

Птица-лира

Автор:

Сесилия Ахерн

Птица-лира

Сесилия Ахерн

Юго-запад Ирландии, суровые горы, яркая синь озер. Здесь, в глуши, вдали от мира, на краю леса живет молодая женщина, с рождения окруженная тайной. Но вот она оказывается в современном городе, у всех на виду, среди восторженных поклонников, неожиданно обретшая громкую славу. Лора наделена волшебной способностью: подобно голосу мифической Лорелеи, ее голос будоражит и манит сердца людей, раскрывает их души. Что сулит ей чудесный дар – счастье или гибель? С давних пор, не давая покоя, над ней тяготеет семейное проклятье... Утратившая родных и близких, преданная недавними друзьями, найдет ли свое счастье Лора – вольная Птица-лира?

Волнующая и полная глубокого смысла история любви, история вольного сердца каждого из нас, история тишины, скрытой за шумом внешнего мира...

Сесилия Ахерн

Птица-лира

Cecelia Ahern

LYREBIRD

© 2016 Cecelia Ahern

Фотография автора на обложке © Matthew Thompson Photography

© Сумм Л., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

Поле Пи

Выживает не самый сильный вид и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к переменам.

Приписывается Чарльзу Дарвину

Пролог

Он двинулся в сторону от них, неумолчная болтовня сливалась в его ушах в утомительно-монотонный фон. То ли усталость после перелета тому причиной, то ли он попросту утратил интерес. А может быть, и то и другое. Он словно со стороны на все смотрел, не вовлекаясь. И если он позволит себе еще хоть раз зевнуть, она ему точно выволочку устроит.

Они не заметили, что он уходит, или, если заметили, предпочли его не окликать. Звукозаписывающую аппаратуру он прихватил с собой, он нигде не оставлял сумку, не только из-за ее ценности, но и потому, что сросся с ней словно с

третьей рукой. Тяжелая, но он привык к ее весу, даже получал от него какое-то удовольствие. Без сумки на плече ему чего-то недостает, и без нее он даже двигается так, будто на слегка опущенном правом плече висит сумка с аппаратурой. Видимо, он обрел свое призвание – звукооператора, – но такая глубокая подсознательная связь с профессией не слишком полезна для осанки.

Он двинулся прочь от росчисти, от дома летучих мышей, который всех так интересовал, к лесу. На опушке в лицо ему ударил свежий прохладный ветер.

Стоял жаркий июньский день, солнце нагрело макушку и понемногу припекало голую шею сзади. Тень леса манила, стремительно носившаяся и исполнявшая ритуальный танец в лучах солнца мошकारа казалась скопищем каких-то мифических малых существ. В тени леса почва, усталая перегнившими листьями и корой, пружинила под ногами. Отсюда уже не было видно его спутников, и он словно отключил звук их болтовни, вдохнул свежий ветерок, наполнив легкие живительным ароматом сосен.

Он опустил сумку на землю, прислонил микрофон к дереву. Потянулся, наслаждаясь треском в суставах, податливостью мышц. Снял свитер – при этом движении, выставляя напоказ живот, приподнялась и футболка, – обвязал рукавами вокруг талии. Стащил с длинных волос резинку и закрепил пучок выше, узлом на макушке, подставляя ветерку потную шею. С высоты в сто двадцать метров над уровнем моря он смотрел сквозь лес и видел вокруг лесистые холмы Гуган-Барры, простиравшиеся до самого горизонта, и ни приметы соседнего жилья. Мирное, тихое место. Его слух был всегда на острие – приобретенная с годами привычка: он научился вслушиваться и в те звуки, которых люди обычно не замечают. Он различал птичьи трели, потрескивание веток – вокруг кипела какая-то жизнь, – приглушенное гудение трактора вдали, строительные работы обитателей леса. Тишина была живой. Он втянул в себя свежий воздух, и в этот момент за спиной у него хрустнула ветка. Он резко обернулся.

Чья-то фигура метнулась за дерево.

– Эй! – крикнул он. Слишком агрессивно – его застали врасплох.

Фигура больше не двигалась.

– Кто там? – спокойнее спросил он.

Она выглянула на миг из-за ствола и скрылась вновь, будто играла в прятки. Странное дело. Он понял, что опасности нет, но сердце сильно забилося – а должно было бы успокоиться.

Оставив свое снаряжение на земле, он медленно направился к ней, хруст веток выдавал каждый его шаг. Он соблюдал дистанцию, не подходил вплотную, а начал описывать круг, заходя за то дерево, которое служило ей укрытием. И увидел ее целиком. Она напряглась, словно готовясь к отпору, но он поднял руки вверх, ладонями к ней, как будто сдаваясь.

Она могла бы оставаться в лесу невидимкой, полностью с ним сливаясь, если б не светлые до белизны волосы и прозрачные зеленые глаза – самые зеленые, самые яркие, какие он видел в жизни. Они его околдовали.

– Привет, – тихо произнес он.

Только бы не испугалась, не убежала. Она трепетала и готова была обратиться в бегство, приподнималась на цыпочки – вот-вот умчится опрометью, сделай он хоть один неверный шаг. Он остановился, плотно уперся ногами в землю и распростер руки, словно обнимая воздух – или как будто воздух обнимал его.

Она улыбнулась застенчиво.

Довершая волшебство.

Таинственное лесное создание, он с трудом различал границу между ней и деревом. Листья, нависавшие над ней, зашевелились от легкого ветерка, вызвали на ее лице игру света и тени. Эти двое видели друг друга впервые, двое незнакомцев, – и не могли отвести друг от друга глаз. В этот момент его жизнь раскололась надвое: кем он был до этой встречи, кем стал после нее.

Часть I

Одно из самых прекрасных и редкостных и, возможно, умнейших созданий на земле – птица-лира, или лирохвост, несравненный музыкант и артист. Эта птица чрезвычайно застенчива, обладает поразительным интеллектом и легко ускользает от наблюдателя.

Недостаточно будет назвать лирохвоста обитателем гор. Да, он живет в горах, но лишь небольшая часть вершин, составляющих область его обитания, может с гордостью назвать себя его домом... Его вкус столь изыскан и определен и в своих склонностях он столь разборчив, что и среди этих прекрасных гор далеко не всем удовлетворяется, и было бы напрасной потерей времени искать его где-либо за пределами наиболее красивых и величественных мест.

Эмброуз Пратт. Легенды о лирохвосте

Глава первая

В то утро

Может, тебе не стоило садиться за руль?

– Норм, – ответила Бо.

– Может, ей не стоило садиться за руль? – повторила Рейчел, на этот раз взывая к Соломону.

– Норм, – и за Соломона ответила Бо.

– Но ты можешь хотя бы не переписываться за рулем? У меня жена на сносях, я хочу увидеть первенца, – настаивала Рейчел.

– Я не переписываюсь, я только проверяю почту.

– Ну тогда конечно! – Рейчел завела глаза и отвернулась к окну. За окном проносился сельский пейзаж. – Ты гонишь на максимуме. Еще и новости

слушаешь. А голова у тебя дурная после перелета.

- Если так волнуешься, пристегни ремень.

- Сильно мне это поможет, - проворчала Рейчел, плотнее усаживаясь на пассажирском сиденье за спиной Бо и пристегивая ремень.

Она бы предпочла сидеть за спиной Соломона, оттуда ей лучше видно, что творит Бо, но Соломон так далеко отодвинул свое кресло, что не уместиться.

- И с головой у меня после перелета все в порядке, - заявила Бо, наконец-то, к облегчению Рейчел, убрав телефон. Рейчел понадеялась, что теперь обе руки водителя окажутся на руле, но вместо мобильного Бо сосредоточилась на радио, принялась перещелкивать станции. - Музыка-музыка-музыка, почему люди перестали разговаривать?

- Потому что иногда имеет смысл заткнуться и помолчать, - фыркнула Рейчел. - Ладно, допустим, ты о'кей, но он-то после перелета не в себе. Сам не знает, где очутился.

Соломон приоткрыл глаза, утомленно оглядел обеих женщин.

- Я не сплю, - томно проговорил он. - Я просто... ну, знаете... - и почувствовал, как сами собой смыкаются веки.

- Знаю, знаю, ты и смотреть не хочешь, как Бо ведет машину, - сказала Рейчел.

После шестичасового перелета из Бостона, приземлившись в Ирландии в пять тридцать, Соломон и Бо перекусили на скорую руку в аэропорту, сели в арендованный автомобиль, подхватили по пути Рейчел и отправились на юго-запад, в Корк, - еще примерно четыре часа дороги. Почти весь перелет Соломон проспал, но этого ему не хватило, а Бо всякий раз, когда на миг просыпался, он заставал бодрствующей, с широко открытыми глазами - ей непременно требовалось пересмотреть все демонстрируемые на борту документальные короткометражки.

О некоторых людях шутят, что они одним воздухом питаются, а Бо, как считал Соломон, могла бы питаться одной информацией. Она поглощала ее на второй космической скорости, вечно голодная, ненасытно читающая, слушающая, задающая вопросы, выискивающая – для обычной еды и места не остается. Она почти и не ела, информация питала ее, но никогда не наполняла – эта страсть знать все неуголима.

В Бостон Соломон и Бо летали на вручение награды за документальный фильм «Близнецы Тулин» – ежегодной премии Ирландского репортера (Бостон) «За выдающийся вклад в кино и телевидение». Двенадцатая премия в этом году, не считая множества вторых и третьих мест.

Целый год съемочная группа провела с близнецами Джо и Томом Тулинами – тогда, три года назад, им было 77 лет. Старики жили на ферме в глухом углу Корка, к западу от Макрума. Бо наткнулась на них, когда занималась другим проектом, и близнецы быстро поглотили ее разум, душу и все ее время. Братья всю жизнь провели вместе, не имели близких отношений с женщинами, да и вообще ни с кем. На этой самой ферме они родились, росли, помогали отцу, унаследовали ее после его смерти. Они работали в суровых условиях, жили очень скромно и скудно, в крестьянском доме с каменным полом, спали на двух узких кроватях в одной комнате, единственное развлечение – радио. С фермы они почти не отлучались, раз в неделю им доставляла покупки женщина из деревни, она же быстро проходила по дому с веником и тряпкой. Отношения стариков с жизнью и друг с другом задевали сердечные струны зрителей, как и тех, кто снимал фильм: под этой простотой скрывался ясный и честный взгляд на жизнь.

Бо была режиссером этого фильма и продюсером; Соломон работал в ее студии Mouth to Mouth Productions звукооператором, Рейчел снимала. Уже пять лет они были единой командой, с тех пор как сняли документальный фильм про ирландских монахинь, которых становилось все меньше, а два года назад у Бо и Соломона начался роман – после неофициальной вечеринки в честь окончания съемок. «Близнецы Тулин» – их пятый совместный фильм и первый большой успех. Весь год они носились с одного фестиваля на другой, собирали награды, Бо успела до совершенства отточить благодарственную речь.

А теперь они возвращались на ферму Тулинов, где каждый закоулок стал знакомым. Но возвращались не праздновать с братьями очередную премию, а на похороны Тома Тулина (он родился на две минуты позже старшего брата).

- Можем мы остановиться и поесть? – спросила Рейчел.

- Незачем. – Бо наклонилась, пошарила под пассажирским сиденьем, одна рука оставалась на руле, машина слегка заюлила.

- Господи, – пробормотала Рейчел, стараясь на это не смотреть.

Из-под сиденья Бо вытащила три шоколадных батончика и бросила один Рейчел.

- Ланч! – Зубами содрала со своего батончика обертку и сразу же откусила, принялась агрессивно жевать, словно таблетку, с которой поскорей бы покончить: еда для поддержания сил, а не ради удовольствия.

- Ты не человек, ты хоть сама это понимаешь? – спросила Рейчел, разворачивая свой батончик и с разочарованной миной изучая его. – Чудище страшное.

- Миленькое мое маленькое чудище, – подхватил Соломон и ущипнул Бо за ляжку.

Бо ухмыльнулась.

- Лучше было, когда вы не спали вместе, – сказала Рейчел, отворачиваясь. – Тогда ты держал мою сторону.

- Он и сейчас на твоей стороне, – заметила Бо шутливо, но всерьез.

Соломон словно и не слышал подначки.

- Если мы едем выразить сочувствие бедняге Джо, зачем ты велела мне взять с собой всю аппаратуру? – спросила Рейчел, пережевывая орехи с изюмом. Она прекрасно знала зачем, но хотелось попридираться. Бо и Соломона дразнить весело, они не слишком-то устойчивы, подтолкни – и будет на что посмотреть.

Соломон широко раскрыл глаза и уставился на свою подружку. Два года вместе в романтическом смысле, пять лет совместной работы – он читал в ней как в открытой книге.

- Ты же не думала, что Бо едет на похороны исключительно по доброте сердечной? - поддразнил он. - Международно признанные, обласканные премиями режиссеры всегда наготове в ожидании новых сюжетов.

- Похоже на то, - согласилась Рейчел.

- Эй! У меня тоже сердце не камень! - запротестовала Бо. - Я смотрела в дороге наши съемки. Помните, кто там говорит последним? Том! «Каждый день, когда есть силы встать с постели, - хороший день!» Я всем сердцем сочувствую Джо.

- Или хотя бы половинкой, - ласково поддразнила Рейчел.

- Как он теперь будет жить? - продолжала Бо. - Ему и поговорить не с кем. Всеми домашними делами занимался Том. Подготовка вся была на нем. Не то чтобы он особо кухарил, но, по крайней мере, напоминал Джо, что пора поесть. Как же ему теперь будет одиноко там, на горе, особенно глухой зимой, когда никого за всю неделю, а то и дольше, не увидишь!

Они примолкли на минуту, задумавшись над участью Джо. Пожалуй, теперь они знали его лучше, чем кто-либо: Джо и Том впустили киношников в свою жизнь. Откровенно отвечали на все вопросы.

Во время съемок Соломон нередко задумывался, могут ли братья выжить поодиночке. С фермы они отлучались только на овечий рынок, домашние заботы передоверили помощнице и воспринимали их как доуку, а не нужное дело: скорее запихать еду в рот - и за работу. Похожие во всем, «как две горошины из одного стручка», братья заканчивали друг за друга начатую фразу, их отработанные движения, когда они находились рядом, напоминали церемонный - хотя не всегда изящный - танец. Танец, отточенный временем, неумышленный, даже неосознаваемый. И хотя этому танцу недоставало грациозности (или как раз поэтому), он был прекрасен, удивительно было следить за ним со стороны.

Джо и Том, всегда в такой последовательности, не наоборот: Джо родился на две минуты раньше, и это словно бы само собой делало его лидером, а Том охотно следовал за ним. Идентичные с виду, но такие разные - и так удачно совпадали. Тем поразительнее была их гармония посреди негармоничного

ландшафта.

Разговаривали они между собой мало, обходились без объяснений и описаний, звуками, которые понимали только они, кивком, пожатием плеч, взмахом руки да двумя-тремя словами порой. Снимавшие не сразу научились замечать, как происходит обмен сообщениями между братьями. Они были настолько подключены друг к другу, что распознавали сразу настроения, тревоги, страхи, каждый знал, о чем другой сейчас думает, и они сами не замечали красоты своих отношений. Их зачастую изумляло, как Бо анализирует их, – жизнь есть жизнь, вещи такие, какими кажутся, смысл-то анализировать или пытаться что-то изменить или вникать в то, что человеку недоступно.

– Им никто не был нужен, потому что их двое, им достаточно друг друга, – сказала Бо, повторяя фразу, которую уже не раз произносила на презентации фильма, но все с той же убежденностью. – Так вы думаете, я за сюжетом гонюсь? Еще бы!

Рейчел перебросила через плечо Бо обертку от батончика.

Соломон фыркнул и снова закрыл глаза:

– Нам не привыкать.

Глава вторая

– Ага! – сказала Бо, когда их автомобиль подъехал к окруженной прекрасным пейзажем церкви. – Мы успели заранее. Подготовь-ка ты камеру, Рейчел.

Соломон резко выпрямился, сна как не бывало.

– Бо, похороны мы снимать не будем. Нельзя.

– Почему же? – спросила она, уставившись на него карими очами.

– Разрешения нет.

Она огляделась по сторонам.

– От кого? Это не закрытая территория.

– Ладно. Я лучше выйду, – сказала Рейчел и выбралась из автомобиля, не желая в очередной раз быть застигнутой их спором.

Бо непрерывно воевала не только с Соломоном, в любых отношениях она была столь же неистовой, упрямой, самого спокойного человека умела спровоцировать на спор, словно для нее единственный способ общаться или узнавать новое – доводить все до крайности, до напряженного диспута. И делает она это не потому, что так уж любит поспорить, а потому, что спор ей необходим, чтобы выяснить чужую мысль. Она попросту устроена не так, как большинство. Вроде бы и не бесчувственна, однако восприимчива к самым сюжетам человеческих судеб, а каким способом их добывать – тут она несколько не щепетильна. И далеко не всегда заблуждается. Соломон тоже многому научился у Бо. Иногда без таких неловких, неприятных моментов не обойтись, нужно идти напролом – иногда востребованы такие люди, как Бо: они разрушают границы, вынуждают собеседника раскрыться, поделиться своей историей. Однако момент она далеко не всегда выбирает правильно.

– Ты не спросила Джо, можно ли это снимать, – пояснил Соломон.

– Спрошу, когда он подъедет.

– Нельзя спрашивать его прямо перед похоронами брата. Бесчувственно.

Бо озиралась по сторонам, Соломон прямо-таки слышал, как тикает ее мозг.

– Может быть, после похорон кто-нибудь согласится дать интервью, расскажет о Томе что-то, чего мы еще не слышали, или обсудим, как теперь будет жить Джо. Может быть, Джо и сам поговорит с нами. Мне нужно уловить ощущение, что теперь происходит с Джо, какой станет его жизнь. – Произнося эти слова, она сделала полный оборот, охватив перспективу на все триста шестьдесят градусов.

– Чертовски одинокой и несчастной! А ты как думала? – сорвался наконец Соломон.

Бо глянула на него, слегка смутившись:

– А после мы тебе сразу добудем поесть. Так что не откусывай мне голову.

– Хоть немного сочувствия, Бо!

– Я бы не приехала, если б не сочувствовала им обоим.

Понимая, что в этом споре ему не выиграть, он вылез из машины и размял ноги.

Гуган-Барра – деревня к западу от Макрума, графство Корк. Названа в честь святого Финбара, который, согласно легенде, в VI веке построил здесь, на острове посреди озера, монастырь. Благодаря удаленности этого места здесь служили католические мессы, когда старая вера оказалась под запретом, а теперь прекрасный пейзаж приманивает сюда свадьбы. Но почему Джо выбрал именно эту церковь для отпевания, этого Соломон не знал. Уж конечно, ни мода, ни романтические красоты старого фермера не интересовали. Ферма Тулинов пряталась в самом глухом углу и хотя, разумеется, тоже относилась к какому-то приходу, но к этому или к другому, он не был уверен. Как ни странно это для их поколения, близнецы Тулин не были религиозны – они вообще ни в чем не были «типичны».

Хотя Соломон не считал правильным набрасываться на Джо с вопросами прямо в день похорон, но кое-что ему хотелось бы выяснить. Как ни раздражает манера Бо вечно выходить за любые рамки, Соломону от этого тоже бывает польза.

Соломон отошел в сторону, чтобы записать звук. Время от времени Бо указывала ему или Рейчел, что следует записать, но чаще предоставляла им действовать самостоятельно. За это Соломон и ценил работу с Бо. Почти как близнецы Тулин: Бо, Соломон и Рейчел знали, как предпочитает работать каждый из них, и в этом друг другу не мешали. Здесь Соломон чувствовал себя свободным, не то что на другой работе, которую выполнял только ради денег на оплату счетов. Зимой снимал какие-то непонятные и гротескные части тела, лето проводил на

реалити-шоу в фитнес-клубе для толстяков – это не жизнь. Документальные съемки с Бо, ее неутолимое любопытство – это было здорово, пусть его и раздражали частенько в ней те самые навыки и свойства, которые дарили ему освобождение от поденщины.

Целый час они снимали возле церкви, и наконец прибыл автобус ритуальной службы, а за ним Джо на «лендровере»: обычно эта машина не выезжала за пределы фермы. Джо вылез из джипа в том самом темно-коричневом костюме с рубашкой и свитером под пиджаком, в каком они видели его сотни раз, наверное, только вместо сапог нынче ботинки. Даже в этот солнечный день он утепился, словно глухой зимой, разве что на одну поддевку меньше. На голове – кепка из твида.

Бо сразу же направилась к нему. Рейчел и Соломон следовали по пятам.

– Джо! – Бо потянулась к старику, пожала ему руку. Обнимать его не следовало, такие нежности вызывали у Джо неловкость. – Мне так жаль!

– С чего это вы приехали? – удивился он, оглядывая всю троицу. – Вы ж в Америке были, когда я вам позвонил? – уточнил он так, словно речь шла о другой планете.

– Да, но мы сразу же вернулись в Ирландию, чтобы поспеть к тебе. Можно мы будем снимать, Джо? Ты не против? Все, кто видел фильм, захотят узнать, как ты теперь.

Соломона такая пробивная наглость пугала и вместе с тем привлекала: отвага Бо и ее честность были редким и чудесным даром.

– А, как хотите, – сказал Джо, отмахиваясь небрежно, словно ему было все равно.

– После можно будет поговорить, Джо? На поминках? Люди соберутся? Чай, бутерброды?

– Из церкви на кладбище, и на том все. Без суеты, без суеты. И снова за работу, я теперь за двоих тружусь, ведь так?

Глаза Джо обведены темными кругами, в них стынет печаль. Гроб уже вынесли из автобуса и поставили на тележку. Всего вместе со съемочной группой в церковь вошли семеро.

Заупокойная служба – короткая и простая. Священник упомянул усердие Тома в работе, преданность своей земле, сказал и о его давно умерших родителях, и о взаимной любви между братьями. За все время стоический Джо сделал одно лишь движение – снял с головы кепку в тот момент, когда гроб опускали в землю. И тут же нахлобучил снова и вернулся к джипу. Соломон почти слышал, как мысленно Джо произнес: «Вот и все».

После похорон Бо успела взять интервью у Бриджет, помогавшей близнецам по хозяйству (попросту говоря, она привозила продукты и сметала паутину по сырым углам). Женщина отворачивалась от камеры, словно боясь, что та взорвется ей прямо в лицо. Местный полицейский Джимми, человек, поставлявший Тулинам корм для животных, и фермер, чьи овцы паслись на горах поблизости от стада близнецов, беседовать с Бо отказались.

До фермы Тулинов было полчаса езды в глубь гористой местности, вдали от деревни.

– Есть ли у них на ферме книги? – ни с того ни с сего спросила Бо. Она часто вот так бросала внезапные вопросы, идеи, так и эдак складывала в голове обрывки полученных с разных сторон сведений, пока не получит единую внятную историю.

– Понятия не имею. – Соломон оглянулся на Рейчел. Из них всех у нее самая надежная визуальная память.

Рейчел призадумалась, пролистала мысленно отснятые кадры.

– В кухне нет. – Помолчала, продолжая перемещаться по дому. – В спальне тоже нет. Во всяком случае, на открытых полках. У них возле кроватей стоят запертые тумбочки, там могут быть.

– Но больше нигде.

- Нигде, - уверенно повторила Рейчел.

- А почему ты спросила? - поинтересовался Соломон.

- Бриджет. Она сказала, что Том «читал запоем». - Бо сморщила нос. - Я как-то не представляю себе, чтобы он так уж любил книги.

- Разве можно судить, любит ли человек читать, только по его внешности?

- Читатели всегда в очках, - пошутила Рейчел.

- Том никогда не упоминал книги. Мы год напролет отслеживали их жизнь по часам. Я ни разу не видела его с книгой в руках. Они оба даже газет не читали. Они слушали радио. Погоду, спорт, иногда новости. А потом ложились спать. Чтение в это расписание просто не вмещается.

- Может, Бриджет выдумала. Она так нервничала перед камерой, - предположил Соломон.

- Она подробно рассказала, как покупала ему книги у букинистов и на благотворительных распродажах. Что она покупала книги, я верю, но не понимаю зачем. Мы не видели в доме ни единой книги, никогда не заставляли их за чтением. Вот что хотелось бы мне выяснить. Что читал Том? Почему? И почему он это скрывал?

- Не знаю, - зевнул Соломон, его никогда особо не занимали мелочи, в которые вникала Бо, уж во всяком случае не тогда, когда одолевали усталость и голод. - Люди чего только не наговорят, когда им в лицо тычут камерой. А ты что скажешь, Рейчел?

Рейчел помолчала минуту, она отнеслась к вопросу Бо серьезнее, чем Соломон.

- Теперь он по-любому ничего не читает, - наконец сказала она.

Они добрались до фермы Тулинов, такого знакомого клочка земли: сколько хмурых рассветов они провели здесь, сколько ночей, под проливным дождем

бродили по этой опасной для неопытного человека почве. Братья разделили обязанности с самого начала. У фермеров, пасущих овец в горах и производящих немного молочных продуктов, работы по горло, а доход невелик. И однажды после смерти отца распределив эти роли, они так и продолжали до самой смерти Тома.

– Расскажи нам, как это случилось, Джо, – мягко попросила Бо.

Они с Джо устроились на кухне, она же главная комната фермерского дома, всей обстановки – два кресла у пластмассового стола. А еще старая электрическая плита, используются только ее четыре конфорки, духовка закрыта. Даже в такую погоду тут холодно и сыро. В стене одинокая розетка с удлинителем, к которому и подключены все кухонные приборы: плита, радио, чайник, обогреватель. Только и жди беды. Обогреватель гудит, мешает Соломону писать звук. Кухня, как и весь дом, провоняла псиной: вместе с братьями жили два бордер-колли, Мосси и Ринг, названные в честь Мосси О’Риордана и Кристи Ринга, обеспечивших команде Корка по хёрлингу победу в финале чемпионата Ирландии 1952 года, – редчайший случай, когда мальчики Тулин ездили с отцом в Дублин. Хёрлинг – одна из немногих вещей, которая их интересовала за пределами фермы.

Джо сидит на деревянном кресле, очень тихо, локти – на подлокотниках, ладони сжаты на животе.

– Это был понедельник. Бриджет завезла продукты. Том должен был их разложить. Я работал на ферме. Вернулся к чаю, а он лежит на полу. Я сразу понял, что он скончался.

– И что ты сделал?

– Первым делом убрал продукты. Он этого не сделал, стало быть, умер еще в начале дня. Должно быть, сразу, как я ушел. Сердечный приступ. Потом я позвонил. – Кивком Джо указал на телефон на стене.

– Сначала убрал продукты? – уточнила Бо.

– Убрал.

– Кому ты позвонил?

– Джимми. В полицию.

– Ты помнишь свои слова?

– Не очень. «Том умер», – наверное, я так сказал.

Пауза.

Джо припомнил, что его снимают, припомнил просьбу, с которой Бо обратилась к нему два года назад, – отвечая на вопрос, не прерываться, потому что он тут – рассказчик.

– Джимми сказал, он все равно должен вызвать «скорую», хотя я и видел, что его не вернуть. И сам Джимми приехал. Мы выпили чайку, пока ждали.

– А Том так и лежал на полу?

– Ясно, лежал. Куда бы я его?

– Да, ясно, – чуть улыбнулась Бо. – Ты что-то сказал Тому? Пока ждал «скорую» и Джимми?

– Ему сказал? – Джо уставился на Бо как на сумасшедшую. – Да он же был мертв. Мертвее не бывает. С какой стати что-то говорить покойнику?

– Попрощаться или что-то в этом роде. Люди часто так делают.

– А! – отмахнулся он, взгляд ушел в сторону, Джо о чем-то задумался. То ли о том, как мог бы попрощаться с братом, то ли о том, со сколькими близкими ему уже довелось проститься, а может, о недоенных коровах и сколько бумаг придется теперь заполнять.

– Почему ты сегодня поехал в ту церковь?

- Там мама с папой поженились.

- И Том хотел, чтобы его отпели там?

- Он никогда об этом не говорил.

- Вы это не обсуждали? Как бы вы хотели это устроить?

- Нет. Мы знали, что лежать будем с мамой и папой, на семейном участке. Бриджет подсказала насчет церкви. Правильная мысль.

- Ты-то как тут будешь, Джо? - мягко, с искренней заботой спросила Бо.

- Я буду в порядке, а как же! - Внезапная улыбка, такая редкая, застенчивая, словно у маленького мальчика.

- Наверное, тебе понадобится помощь?

- Сынок Джимми. Уже договорились. Будет кое-что делать, когда позову. Тяжелую работу, таскать там. На рынок ездить.

- А то, что делал Том?

- Придется это делать мне, верно? - Он поерзал в кресле. - Больше-то никого не осталось.

И Джо и Тома вопросы Бо частенько удивляли. Она спрашивала о таких очевидных вещах, они недоумевали, к чему столько вопросов, зачем анализировать все то, что они принимали как данность. Чего доискиваться, когда решение прямо у тебя перед носом? Или искать другие возможности, когда вполне сойдет и это?

- Придется тебе самому общаться с Бриджет. Составлять список продуктов. Готовить, - напомнила Бо.

Это его, похоже, раздосадовало. По дому он возиться не любил, это всегда была территория Тома. Не то чтобы Тому это занятие было по нраву, но он понимал: если поручить готовку Джо, оба умрут с голоду.

- Том любил читать? - спросила Бо.

- А? - удивленно переспросил Джо. - Сколько знаю, Том ни одной книги в жизнь не прочел. Во всяком случае, со школы. Может, спортивный раздел смотрел, когда Бриджет приносила газету.

- Когда ты разбирал в понедельник покупки, ничего необычного не попадалось?

- Нет.

Спohватившись, как своеобразно Джо понимает английский язык, Бо повторила вопрос на иной лад:

- Тебя ничего не удивило?

Он посмотрел на Бо, что-то прикидывая.

- Перво-наперво, еды было чересчур много.

- Чересчур много?

- Две буханки хлеба. Ветчины и сыра тоже по две упаковки. Что-то еще, не припомню.

- А книги?

Опять он глянул на нее, уже по-другому - пробудился интерес.

- Одна.

- Можно взглянуть?

Он поднялся и вытащил из кухонного ящика книгу в бумажном переплете.

- Прошу. Я собирался вернуть ее Бриджет, думал, это ее, как и лишний продукт.

Бо раскрыла книгу. Потрепанный детектив, где-то добытый по дешевке. Поискала внутри надпись, но титульные страницы были чисты.

- Ты не думал, что книгу заказал Том?

- Да с какой же стати? А если это он, значит, у него не только с сердцем был неполадок. - Джо произнес эти слова прямо на камеру и хихикнул.

Бо вцепилась в книгу. Соломон знал: пока Бо не решит эту загадку, не успокоится.

- Так насчет обязанностей Тома. Какую работу ты теперь делаешь на ферме?

- Как всегда. - Джо призадумался, словно впервые мысленно перебирая все дела, в течение дня исполнявшиеся Томом, о которых ему не надо было беспокоиться, и о том, что они обсуждали по вечерам. - Он следил за колодцем у дома летучих мышей. Я там много лет не бывал. Придется теперь мне за ним присматривать, видно.

- Ты никогда раньше не говорил о доме летучих мышей. Проводишь нас туда?

Вчетвером, вместе с одной из верных овчарок, они забрались в джип. Джо повез их на дальний край фермы по грязной колее, которая даже в эту пору года казалась опасной, а уж зимой, в метель или утром, когда все подмерзнет... Восьмидесятилетний старик не справится один, двое восьмидесятилетних кое-как тут выживали. Хорошо бы сын Джимми делал больше, чем Джо поручит, ведь Джо не из тех, кто привык просить помощи.

Машина уткнулась в ржавые ворота. Соломон выскочил из машины, раздвинул ворота и бегом нагнал остальных. Джо остановился на расчисти у кромки леса. Соломон достал из машины свое оборудование. Дальше только пешком по тропе. Пес, Мосси, уже умчался вперед.

- Плохая земля, мы ничего с ней сделать не смогли, но и продать тоже, - пояснял на ходу Джо. - В тридцатые папа посадил ситхинскую ель и скрученную сосну. Отлично растут в плохой почве, выдерживают сильный ветер. Двадцать акров деревьев. Отсюда и лесопарк Гуган-Барры виден.

Они прошли по тропе и выбрались на другую росчисть, где стояла хижина, когда-то белая, но краска за многие годы облупилась, проступил тусклый цемент. Окна были заколочены, и даже в этот ясный день угрюмая с виду постройка никак не вписывалась в прекрасный пейзаж.

- Это и есть дом летучих мышей, - сообщил Джо. - Мы тут играли в детстве. Подначивали друг друга - кто войдет, запрет за собой дверь и дольше продержится, пока другой ведет счет.

- Когда ты тут был в последний раз? - спросила Бо.

- А! Лет двадцать тому назад. Больше.

- А как часто сюда навещался Том?

- Пару раз в неделю. Проверить, не попала ли грязь в колодец. Он там, сзади.

- Если эта земля не приносит дохода, почему ее не продали?

- После смерти па мы ее выставили на продажу. Какой-то парень из Дублина хотел постройку на горе, но ему не разрешили снести дом летучих мышей. Эти э-ко-логи, - вздернутый подбородок означал крайнюю степень недовольствия, - заявили, что летучие мыши - редкость. Нельзя ни снести эту постройку, ни постройку рядом, потому что это помешает им летать. На том дело и кончилось. Пришлось снять с продажи. Мосси! - крикнул Джо вслед псу, который умчался вперед и скрылся из виду.

Съемка остановилась. Рейчел подошла вплотную к постройке, прижалась лицом к заколоченному окну, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь трещины. Бо глянула вслед Соломону, который со всем своим снаряжением двинулся в сторону леса. Наверное, хочет записать фон, решила она и не стала его останавливать. Даже если он и не за этим отошел, она подняла Соломона и

Рейчел спозаранку, пригнала сюда, не дав перекусить, а они, в отличие от Бо, не способны функционировать без еды и отдыха. Она чувствовала, как в них обоих нарастает досада. Пусть лучше Соломон переведет дух.

- А где колодец?

- Там, за домом летучих мышей.

- Можно мы снимем, как ты осматриваешь колодец?

Джо издал хорошо знакомый Бо звук - сделайте что хотите, ему наплевать, она такая странная, что его уже ничем не удивит.

Пока Рейчел обсуждала с Джо летучих мышей - Рейчел способна поддержать разговор почти на любую тему, - Бо тоже немного прошлась, сначала около дома летучих мышей, потом зашла за него. По ту сторону обнаружился коттедж, запущенный, фасад выглядел не лучше, чем у дома летучих мышей, - тоже совсем облупилась белая краска и серый бетон жутковато выглядывал посреди пышной зелени. Мосси крутился у порога этого дома, приняхивался.

- Кто тут жил? - крикнула Бо.

- А? - закричал в ответ Джо. Едва ли он мог расслышать ее вопрос.

Она присмотрелась к коттеджу. Окна не заколочены. Чисто вымыты.

Джо и Рейчел пошли за ней следом, тоже завернули за дом летучих мышей.

- Кто тут жил? - повторила Бо.

- Тетушка папы. Давно уже. Он съехала, летучие мыши заселились. - Джо в очередной раз хихикнул. Потом прикрыл глаза, пытаясь припомнить имя давно скончавшейся родственницы. - Китти. Мы ее изводили. Она за нами с деревянным половником гонялась.

Бо чуть отошла от Джо и Рейчел, подошла ближе к коттеджу, присмотрелась. Рядом с домом обнаружился огород, на деревьях поспевали плоды. На одном

окне – полевые цветы в высоком стакане.

– Джо! – настойчиво сказала она. – Кто здесь живет сейчас?

– Никто. Разве что летучие мыши, – пошутил он.

– Посмотри сам.

Он посмотрел. Увидел все то, что Бо уже успела заметить. Плодовые деревья и огород, коттедж в приличном состоянии, окна блестят, дверь покрашена в зеленый цвет – и эта краска гораздо свежее, чем все остальное в окрестностях. Поняв это, Джо растерялся. А Бо тем временем обошла дом и обнаружила еще и козу и пару бродивших на свободе кур.

Взволнованная, она ринулась обратно:

– Тут кто-то живет, Джо!

– Захватчики? На моей земле?

Никогда, за весь год, что Бо снимала Джо Тулина и его брата, ей не довелось видеть их в таком гневе.

Крепко сжимая кулаки, старик поспешил к подозрительному дому. Бо напрасно пыталась его остановить. Мосси побежал следом.

– Подождите, Джо! Надо позвать Соломона! – вскрикнула Бо. Ей не хотелось предупреждать об их приходе того, кто прятался в коттедже, но пришлось кричать. – Рейчел, снимай.

Рейчел уже принялась за дело. Но Джо, конечно, и дела не было до съемок. Он ухватился за дверную ручку и собрался распахнуть дверь – но опомнился. Ведь он был настоящий джентльмен. И, прежде чем войти, он постучал.

Бо оглянулась на лес, куда ушел Соломон, потом кинулась к коттеджу. Так бы и убила сейчас Соломона! Как он посмел уйти, где его профессионализм? А она позволила ему уйти, потому что он голоден, потому что, пожив с ним пару лет,

хорошо знает, каким он делается с голоду – ворчит, не может сосредоточиться, огрызается по ерунде. В романтических отношениях с коллегами немало проблем, но эта едва ли не главная: начинаешь переживать из-за того, как твои решения сказываются на них, успеют ли они поесть. А теперь придется записывать без звука. Ладно, главное – картинка, звук добавят потом.

– Осторожнее, Джо, – предупредила Рейчел. – Мы же не знаем, кто там.

Не дождавшись ответа на стук, Джо толкнул дверь и переступил порог. Рейчел следовала за ним вплотную, Бо торопливо их нагнала.

– Что за... – Джо остановился посреди комнаты, оглядываясь, растерянно скребя в затылке.

Бо деловито указывала Рейчел, что следует поймать в кадр.

Однокомнатный коттедж, у одной стены узкая кровать, над ней окошко с видом на огород. У другой стены камин, плита, похожая на ту, что в доме у братьев, кресло, пристроившееся под книжными полками. Четыре полки забиты книгами, аккуратные стопки книг на полу.

– Книги! – изумленно произнесла Бо.

На полу с полдюжины ковриков из овечьих шкур. Конечно, зимой каменный пол страшно холодный, огнем камина его не согреешь. И на кровати тоже овчина, и на кресле. Шнур радиоприемника воткнут в розетку, маленький радиоприемник на журнальном столике.

Здесь явно живет женщина. Бо еще не поняла, почему она так в этом уверена. Одного лишь букетика в стакане для таких выводов недостаточно, духами не пахнет, но все же обстановка женская, не тот замшелого-грязноватый вид, что у Тома и Джо. Здесь все иначе. Об этом маленьком доме заботятся, здесь живут, а не только едят и ночуют – да, и вон розовый кардиган на спинке стула. Бо слегка подтолкнула Рейчел.

– Уже снято, – ответила оператор, пот градом тек с ее лба.

– Снимай, не останавливайся. Я быстро.

Бо выскочила из коттеджа и кинулась в лес.

– Соломон! – во весь голос крикнула она. Тут же нет соседей, никого она не побеспокоит.

Выбежала снова на расчисть перед домом летучих мышей, увидела Соломона чуть дальше, под горкой, в лесу – стоит себе, смотрит на что-то, словно в трансе. Аппаратура на земле, микрофон прислонен к дереву. Даже не записывает ничего! Тут уж Бо дала себе волю.

– Соломон! – завопила она так, что он наконец оглянулся. – Мы нашли дом! Там кто-то живет! Хватай аппаратуру, быстрее, шевелись, ну!

Она не уверена, что произносит осмысленные слова или ставит их в верном порядке, ей нужно одно: чтобы он стронулся с места, чтобы успел записать звук. Ей нужен этот сюжет.

Но в ответ Бо услышала странный, совершенно незнакомый звук.

Глава третья

Это было похоже на птичий вскрик или на что-то в этом роде – нечеловеческий звук, хотя издал его человек, издала женщина, стоявшая под деревом.

Бо бегом помчалась туда, и та светловолосая женщина взмахнула в ужасе руками, перевернула корзину, рассыпав содержимое, глаза ее тревожно расширились.

– Все в порядке, – сказал Соломон. Выставив перед собой руки, он шагнул между Бо и этой женщиной, пытаясь ее успокоить, укротить, словно необъезженную лошадь. – Вас никто не обидит.

- Кто это? - крикнула Бо.

- Стой где стоишь, Бо, - велел Соломон не оборачиваясь, голос сердитый.

Разумеется, она и слушать его не стала, подошла вплотную. Молодая женщина снова издала какой-то звук, тоже необычный, похожий на разъяренное чириканье, если такое бывает, - залаяла по-птичьи на Бо.

Бо была ошарашена и все же невольно расплылась в улыбке: это завораживало.

- По-моему, она хочет, чтобы ты отошла, - сказал ей Соломон.

- Прекрасно, доктор Дулиттл, но я ничего плохого не сделала, - застроптивилась Бо, возмущенная, что ей дают указания. - Так что никуда я не уйду.

- Хотя бы ближе не подходи, - посоветовал Соломон.

- Сол!

С чего он вдруг так себя ведет?

- Все хорошо, все хорошо, - сказал Сол девушке и, опустившись на четвереньки, подобрал рассыпавшиеся из ее корзины цветы и травы. Она перестала издавать тревожную птичью трель, но явно не успокоилась, все переводила с Бо на Соломона панический взгляд.

- Меня зовут Бо Хили. Я снимаю кино, мы приехали сюда с Джо Тулином, - сказала Бо, протягивая руку.

Блондинка уставилась на ее руку и снова тревожно засвиристела. Ни единого слова она до сих пор не произнесла.

- Господи боже! - Глаза Бо тоже расширились, она выхватила телефон и позвонила Рейчел. - Рейчел, скорее сюда, на рощище. С камерой. - Отключив телефон, она одними губами велела Соломону: - Записывай! - Глазами, боясь сделать лишнее движение, она указала ему на звукозаписывающую аппаратуру.

Из уст молодой женщины непрерывно лились какие-то странные звуки, ничего более удивительного Соломон в жизни не встречал. Казалось, будто она не своей волей издает эти звуки, а включилась запись. Соломон был настолько потрясен, заморожен, что глаз не мог отвести от этого чуда, ему все казалось, что вот-вот он разглядит и провод, какой-то фокус – но нет, все было взаправду.

Он осторожно попятился к рюкзаку с оборудованием.

Между деревьями показалась Рейчел, она неслась с камерой наготове, по пятам за ней следовал Джо.

– Что за чертовщина тут происходит? – вскрикнула Рейчел, резко остановившись, когда эта сцена открылась ее глазам.

Незнакомка обернулась и разразилась прямо в лицо Рейчел воем сирены. Соломон вдруг увидел происходящее ее глазами: обступили трое чужих людей, преградили ей путь на лесной тропе, она же чувствует себя в ловушке. Нельзя это записывать. Неправильно.

Бо уловила его колебания и устало вздохнула.

– Ох, бога ради! – фыркнула она и сделала то, что следовало сделать с самого начала, сообразила она вовремя: принялась записывать эту сцену на телефон.

Подоспел Джо.

Светловолосая женщина перестала завывать сиреной: при виде Джо она вроде бы успокоилась.

– Кто ты? – крикнул ей Джо. – Что ты делаешь на моей земле?

Она снова запаниковала, попятилась, пытаясь укрыться среди деревьев.

Соломон внимательно наблюдал. Бо снимала на телефон, Рейчел поднимала камеру, лицо Джо перекосила гневная гримаса.

Соломон устал и срочно хотел поесть.

– Стойте! – крикнул он, и все смолкли. – Вы ее пугаете. Расступитесь. Дайте ей пройти.

Женщина оглянулась на него.

– Вы можете идти.

Она не сводила с него глаз. Зеленых, проникающих в душу глаз.

– Вряд ли она понимает, – заметила Бо, продолжая снимать.

– Разумеется, понимает! – буркнул Соломон.

– Она же не умеет говорить... словами. Как вас зовут? – спросила Бо.

Молодая женщина, не отвечая ей, все так же смотрела на Соломона.

– Ее зовут Лора, – сказал он.

Вдруг опрометью примчался от дома летучих мышей Мосси, влетел в лес, громко лая, собираясь оборонять свою территорию от чужаков. Не остановившись возле Джо, он напрямик рванул к Лоре.

– Эй, эй, Джо, отзови его, – попросил Соломон, опасаясь, как бы пес не вцепился в незнакомку.

Но Мосси, добежав до молодой женщины, принялся взволнованно описывать круги, подпрыгивать, требуя ласки, лизать ее руки.

Она тоже стала гладить пса, – очевидно, эти двое давно друг друга знали, но на всех остальных девушка глядела с тревогой. И вдруг протянула Соломону руку. Тот в растерянности тоже протянул руку, думая, что она хочет за него ухватиться, но она с улыбкой перевела взгляд на корзину.

– Корзину, Сол, – подсказала Бо.

Он смущенно передал корзину хозяйке.

Лора сделала шаг, другой, Мосси следовал за ней по пятам. Поначалу она ступала очень осторожно и, проходя мимо Бо, зарычала, так точно воспроизведя собачий рык, что казалось, это рыкнул Мосси или же его голос прозвучал в записи. Очень внимательно она присматривалась на ходу к Джо, но, едва выбравшись из обступившего ее кольца, кинулась бежать через лес, мимо дома летучих мышей, к коттеджу.

- Успела заснять? - спросила Бо.

- Ага, - ответила Рейчел, снимая с плеча камеру и утирая со лба пот. - Сняла, как блондинка тебя обрычала.

- Куда она пошла? - спросил Соломон.

- За домом летучих мышей - коттедж, - пояснила Рейчел.

Бо некогда было отвечать, она просматривала запись в своем телефоне, проверяя, все ли успела запечатлеть.

- Вы ее знаете? - спросил Соломон Джо в полной растерянности. Он не понимал, что сейчас произошло, но от прилива адреналина его слегка потряхивало.

- Она нахрапом обосновалась на моей земле! - заворчал Джо, он прямо-таки дымился от гнева.

- Как вы думаете, а Том про это знал? - спросила Бо.

Джо оцепенел. На его лице уверенность в собственном праве сменилась замешательством, гневом - он понял, что его предали, он не хотел это признавать. А потом все чувства вытеснила печаль. Если Том знал, что на их земле в заброшенном коттедже поселилась молодая женщина, то от брата он это скрыл. Выходит, между близнецами, которые не имели друг от друга секретов, одна огромная тайна была.

Глава четвертая

Есть только один способ все выяснить, – заявила Бо, стаскивая с себя свитер и завязывая рукава вокруг талии (солнце уже палило вовсю). – Надо поговорить с этой девчушкой.

– Она не девчушка, а взрослая женщина, и зовут ее Лора, – напомнил Соломон, сам не понимая, отчего так злится. – И я очень сомневаюсь, что она станет с нами разговаривать после того, как мы насмерть ее напугали.

– Я же не знала, что у нее... что она отсталая, – оборонялась Бо.

– Отсталая? – взорвался Соломон.

– Ой, ну как это политкорректно называется? С проблемами развития, с трудностями развития? Простоватая? Что тебя устраивает? Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Но я же не могла сразу об этом догадаться.

– Ну да, она не совсем нормальная, – согласилась Рейчел, присаживаясь на камень, измученная и вся в поту.

– Как ни назови, с ней явно что-то неладно, Сол, – продолжала Бо, убирая с лица волосы и поправляя пучок, волнение так ее и распирало. – Знай я это, я бы по-другому к ней подошла.

– Полагаю, что дальше решать Джо. Это его земля, – сказал Соломон. В желудке у него громко урчало.

Бо сердито покосилась на него.

Джо растерянно шаркал туда-сюда, все эти события явно сбили его с толку. Он любил раз навсегда заведенный ход вещей, чтобы ничего не менялось. Этот день и так выдался очень трудным, полным переживаний.

– Пусть собаку вернет, – сказал он наконец. – И жить ей на моей земле не полагается.

– Законы о скваттерах не так-то просты, – заметила Рейчел. – Один мой друг прошел через это. Чтобы выселить самовольных поселенцев, нужен судебный ордер.

– Твоему другу пришлось выселять скваттера? – уточнил Соломон.

– Нет, он сам был скваттером, – ответила Рейчел.

Как ни злился на все происходящее Сол, это его рассмешило.

– На мою собаку у нее никаких прав нет. Я пошел за Мосси, – объявил Джо, выровнял кепку на голове и направился к коттеджу.

– Ступай за ним, – торопливо распорядилась Бо, передавая Рейчел камеру и делая вид, будто не замечает, как та устала.

Но меж тем и Джо выдохся:

– Пусть лучше с ней женщина поговорит.

– Это не про меня! – предупредила Рейчел.

За всю свою жизнь Джо почти не общался с женщинами, кроме собственной матери, Бо, Рейчел и Бриджет. Рейчел вообще-то легко налаживает контакт с кем угодно, однако Джо понадобилось время, чтобы привыкнуть к ней, все-таки она была не такой, какой он представлял себе обычную женщину; Бриджет он вовсе за женщину не считал, да и едва ли замечал ее, а с Бо ему до сих пор немножко неловко – то ли дело в избытке у нее социальных навыков, то ли в их недостатке. Перспектива общаться с незнакомой женщиной его ужасала. Тем более с какой-то странной, которой нужны забота, понимание.

Вчетвером они направились к коттеджу и на этот раз двигались не так резко, менее агрессивно.

Бо постучала в дверь, Рейчел и Соломон ждали рядом.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросил напарницу Соломон.

– С голоду подыхаю.

– И я тоже. – Соломон устало потер лицо. – Ничего не соображаю.

Они следили за тем, как Бо снова и снова стучит в дверь.

– Если Бо нужен новый сюжет, то вот он. Ясное дело – безумие, причем еще невиданного сорта, – сказала Рейчел.

– Она не согласится на разговор, – сказал Соломон, следя за дверью.

– Ты же знаешь Бо.

Да, он ее знал. Она способна убедить и того, кто изначально был решительно против съемок и не позволял включать камеру, все-таки поговорить с ней. То есть когда она этого действительно хочет. Те трое на кладбище, кто отказался дать интервью, не были так уж важны, вот Бо и не настаивала. Соломон и Рейчел обычно следуют за Бо без особых возражений, но сегодня ее стиль изменился, и сильно изменился: она мечется, хватается то за одно, то за другое, плана пока нет.

Лора появилась в окне, но дверь открывать не стала.

– Скажи ей, чтобы отдала Мосси, – громко потребовал Джо.

Он запихал кулаки в карманы, видно было, как беспокойно шевелятся пальцы. Плохо старику. Такой был тяжелый день, схоронил брата и единственного друга. Весь день вне привычной зоны комфорта, нарушение распорядка, не прерывавшегося на протяжении полувека. Его мир рухнул. Он измучился за день и хотел одного: получить обратно свою собаку и вернуться в безопасное убежище, домой.

– Откройте, пожалуйста, дверь, нам нужно поговорить, – повторяла Бо.

Лора смотрела в окно – прямо на Соломона.

И все обернулись и стали смотреть на Соломона.

- Скажи ей! - велела Бо.

- Что сказать?

- Она смотрит на тебя. Скажи ей, что все в порядке. Мы только поговорим.

- Джо ждет свою собаку, - честно сказал Соломон.

Рейчел усмехнулась.

Лора отошла от окна.

- Умешь ты... - проворчала Рейчел. Оба они только что в обморок не падали от голода.

Джо занес кулак и собрался крепко стукнуть в дверь, но вдруг она сама собой распахнулась - Мосси выскочил, и дверь закрылась за ним.

Джо сердито пошел прочь, Мосси возбужденно скакал вокруг, совался под ноги.

- Я позвоню Джимми, - пробурчал Джо. - Он с ней разберется.

- погоди, Джо! - крикнула ему вслед Бо.

- Оставь! - не выдержала Рейчел. - Я умираю с голоду. Вернемся в гостиницу. Поедим. Нормальную еду. Мне пора позвонить Сюзи. А потом уж планируй что хочешь. Seriously тебе говорю.

Рейчел редко выходила из себя, разве что ей снимать мешали: кто-то на заднем плане корчил рожу или Соломон неудачно въезжал микрофоном в камеру. И уж если Рейчел сердилась, все понимали, что с ней лучше не спорить. Бо и сама знала, что всех замучила.

И она уступила - ненадолго.

Вернувшись в гостиницу Гуган-Барры, Соломон и Рейчел молча накинулись на обед, пока Бо рассуждала вслух:

– Том, очевидно, про эту девушку знал, согласны? Это он проверял места вокруг колодца, его обязанность, по нескольку раз в неделю наведывался к колодцу. Невозможно приехать к колодцу и не увидеть коттедж. И огород, и козу, и кур. Просто немыслимо. И полки в коттедже, и та книга, которую купила Бриджет. К тому же и Мосси ее узнал, то есть Том брал его с собой.

– Мосси – собака. – Соломон произнес первые слова за десять минут с тех пор, как им подали обед. – Бродит сам по себе. Мог случайно с ней познакомиться.

– Допустим.

– Познакомиться с ней, – протянула Рейчел. – Собаки заводят знакомства с людьми? Хотя с такими, кто говорит по-собачьи, возможно. – Она рассмеялась над своей шуткой, но умолкла, поскольку собеседники к ней не присоединились: Бо и слушать не слушала, а Соломону не нравились насмешки над Лорой. – Ладно. Пойду позвоню Сюзи. – Рейчел перешла за другой стол, прихватив с собой тарелку.

– Что это она делает? Что за звуки? – спросила Бо Соломона. – Это синдром Туретта? Рычит, лает, чирикает.

– Насколько я знаю, люди с синдромом Туретта не лают на людей, – сказал Соломон, слизывая с пальцев липкий соус, перед тем как впиться зубами в свиное ребрышко.

Все лицо у него в соусе. Бо посмотрела на своего бойфренда с отвращением, где ей понять, что он не может нормально функционировать без еды. Сама-то она лишь поковырялась в греческом салате.

– Ты уже кормленный, чего ты на меня ворчишь?

– По-моему, ты сегодня напортачила.

- А по-моему, ты страдаешь от джетлага, весь день не в настроении, дергаешься, - сказала она. - Слишком чувствителен. И уж если я говорю это про тебя...

- Ты напугала Лору.

- Я напугала Лору, - повторяет она. Бо часто так делает, словно повтор помогает ей вникнуть в смысл слов. Она делает это и во время интервью, отчего тому, с кем она ведет разговор, бывает не по себе: повторяет как будто бы с недоверием, но на самом деле это ее способ понять сказанное.

- Ты же видела, что ей страшно. Молодую женщину обступили в лесу четверо чужаков, трое из нас в черном после похорон, словно ниндзя, она в ужасе, а ты знай себе снимаешь.

Только тут до Бо наконец дошло:

- Вот дерьмо!

- Ну да, дерьмо.

Он снова облизал пальцы и присмотрелся к Бо:

- Что происходит у тебя в голове?

- Сегодня мы видели что-то замечательное. То, что делает эта девушка...

- Лора.

- ...что делает Лора, эти ее звуки, это словно колдовство. Но я в колдовство не верю. И ничего подобного никогда в жизни не слышала.

- И я не слышал.

- Меня это зацепило.

– Увидела свой интерес?

Пауза.

Он догрыз ребрышки и уставился на телевизор в углу, как раз шли новости.

– Все задают мне вопрос, какой будет следующий фильм.

– И мне тоже.

– А у меня ничего нет. Ничего, равного истории близнецов Тулин. Мы получили столько наград! Теперь, когда удалось привлечь интерес к моей работе, я должна продолжать.

Он знал, что Бо уже слегка паникует, и был рад, что она сказала об этом вслух.

– Радовалась бы, что хоть один твой фильм понравился людям. Сколько продюсеров ни разу такого не добьются. Наслаждайся – и не пытайся воспроизводить свой успех. Продолжение про близнецов Тулин не станет таким же удачным, как первый фильм. Нужно что-то оригинальное. Ты добилась успеха главным образом потому, что не спешила. Нашла правильный сюжет, и тебе хватило терпения. Ты слушала людей. А сегодня ты устроила сумасшедший дом, Бо, носилась как курица с отрезанной головой. Зрители предпочтут увидеть что-то подлинное, стоящее, чем халтуру.

– Сам-то ты снимаешь фитнес для толстых и «Уродские тела».

Гнев забулькал внутри, но Соломон постарался сохранять спокойствие:

– Сейчас мы говорим о тебе.

– Я в панике, Соломон.

– Не будь в панике.

– Нельзя просто посоветовать человеку не быть в панике.

– Только что посоветовал.

– Соломон! – Она и смеялась, и сердилась.

– Что-то в этом лесу пошло не так, – сказал он. Не собирался говорить, само вырвалось.

Она присмотрелась к нему.

– Кому ты это сейчас сказал? Мне или самому себе?

– Видимо, тебе, – ответил он и швырнул ребро на тарелку, звук получился слишком громкий, но Соломон тут же схватил другой кусок мяса.

Бо откинулась на спинку стула и, скрестив руки на груди, изучала Соломона. Тот не поднимал глаз, не произнес больше ни слова.

– Мы встретили в этом лесу что-то замечательное. Я взялась за дело, а ты... застыл.

– Ничего я не застыл.

– Что же ты делал там все время, пока я была в коттедже? Она тоже была там все время?

– Отвали, Бо.

– Имею же я право задать вопрос!

– Да, у нас был секс. Отлучился от тебя на две минуты – и сразу секс. Прижал ее к дереву.

– Я вовсе этого не говорила, на хрен, и ты это прекрасно понимаешь!

– В самом деле?

– Я пытаюсь разобраться, что с ней такое, а ты не хочешь помочь. О чем вы говорили? Я спрашиваю, а ты уклоняешься от ответа. Она сказала тебе свое имя. Ты был там с ней наедине, еще до меня. Я просто хотела знать, о чем был разговор.

Он отключился, иначе бы дал себе волю и заорал во всю глотку, плевать, что в ресторанчике полно народу. Он подавляет в себе гнев, гасит его, гасит, остается лишь тлеющая зола – справился как мог. Смотрит новости, ничего не разбирая.

Бо в какой-то момент встала и вышла.

Он мог бы задуматься над словами Бо, проанализировать ее мысли, понять их, заглянуть в себя и найти ответ. Мог бы задуматься, что он сам сказал и почему. Мог бы во всем разобраться. Но после долгого перелета, переголодав, он был зол, а потом сосредоточился на теленовостях и начал наконец разбирать слова, выходящие изо рта диктора, и буквы, что ползли внизу по экрану. Догрыз последнее ребрышко, насухо облизал пальцы от липкого соуса и откинулся на спинку стула, сытый и довольный.

– Счастлив наконец-то? – окликнула его Рейчел с другого конца ресторана.

– Поспать ночку, и буду в полном порядке. – Он зевнул, потянулся. – Как Сюзи?

– Немножко расстроена. Слишком жарко. Не может уснуть. Лодыжки отеки. И малыш уперся ножкой ей под ребро. Думаешь, завтра мы поедем домой?

Соломон вытащил из пакетика зубочистку, выковырял застрявшее в зубах волоконец мяса.

– Очень на это надеюсь.

Он и правда хотел вернуться домой, потому что растерялся. В лесу что-то пошло не так, верно. Бо это заметила. И точно так же, как Джо, спешивший обратно на свою ферму, Соломон спешил обратно в Дублин, к телешоу «Уродские тела», которое так презирал, в свою квартиру, провонявшую рыбой с карри, любимым блюдом соседей. Вернуться в нормальный мир. Туда, где не приходилось задумываться о своих чувствах, где не было ни путаницы, ни анализа, где его не

тянуло к людям, с которыми не следовало сходиться, он не делал того, что сам считал неправильным.

– Уснул? Глаза-то у тебя открыты, – сказала Рейчел и помахала ребрышком у него перед носом. Брызги соуса полетели на стол и на пол. – Черт!

В бар влетела Бо, на лице то самое выражение, в руке мобильный.

– Джимми звонил. Тот полицейский, с которым мы говорили у церкви. Он сейчас у Тулинов. Джо вызвал его поговорить с девушкой, но по дороге под его машину выскочил Мосси. Девушка унесла Мосси к себе в коттедж. Издает эти странные звуки. Заперлась и никого не впускает, и к Мосси тоже не дает подойти.

Соломон посмотрел на Бо, попытался изобразить равнодушие, изо всех сил попытался, но сердце часто забилося.

Бо с каким-то новым интересом посмотрела на него:

– Она хочет, чтобы пришел ты, Сол.

Глава пятая

Джимми стоял возле патрульной машины, двери нараспашку, радио включено, нос машины нацелен точно на дом летучих мышей. Летний вечер был еще достаточно светел.

Завидев съемочную группу, Джимми поднял руки, словно извиняясь:

– Мосси бросился прямо под колеса. Я его не увидел.

– Где сейчас девушка? – спросила Бо.

– Она схватила собаку, унесла ее в коттедж и не выходит, и впускать никого не хочет. Она в истерике. Джо велел позвать вас.

Вид у него был такой же ошеломленный, как у них самих, когда они впервые услышали эти «звуки» Лоры.

- Она звала Соломона? - спросила Бо. Ей не терпелось уже что-то делать.

- Сначала она звала Тома. Требовала, чтобы я его позвал. Я сказал, Том умер, и она вроде как слегка тронулась. А потом сказала про Соломона.

Оба стоят под деревьями, глаз друг с друга не сводят.

- Привет, - тихо сказал он.

- Привет, - мягко отозвалась она.

- Я Соломон.

Она улыбнулась:

- Лора.

Бо смотрела на него - снова с подозрением.

- Я представился перед тем, как мы перепихнулись! - рявкнул он.

Джимми прыснул. Бо зыркнула уже злобно.

- Идешь за ней? - спросила она.

- Нет - если ее собираются арестовать.

- Ее не за что арестовывать. Я должен поговорить с ней, выяснить, кто она и почему живет на земле Джо. Если она скваттер, тут законы непростые, а если Том ей разрешил, мы и вовсе ничего поделать не сможем. Я приехал только

потому, что меня Джо просил. А по дороге чертова пса сшиб, – виновато добавил он.

– Так что мне делать? – уточнил Соломон. Напряжение нарастало.

– Ты ее как будто боишься. Сходи к коттеджу и спроси, чего она хочет, – скомандовала Бо.

– Ладно! Господи! – вздохнул он, теребя пальцами длинные волосы, затягивая тугой узел на макушке. Он двинулся по тропе к коттеджу, те двое следовали по пятам, но остановились возле дома летучих мышей.

Сердце снова забило сильнее, когда он приблизился к двери, и Соломон сам не понимал, отчего это. Вытер вспотевшие вдруг ладони о штаны, но, прежде чем поднял руку, чтобы постучать, дверь распахнулась. Девушку он не видел, решил, что она стоит за дверью, и перешагнул порог. Дверь сразу закрылась за ним. Она заперла замок и прислонилась к двери, словно ее охраняя.

– Привет, – сказал он и от растерянности запихал руки в задние карманы.

– Он у камина, – сказала Лора, на Соломона она едва взглянула, нервничала, переживала.

Хотя в лесу она назвала свое имя, сейчас Соломон удивился, услышав ее речь. Там, в лесу, она казалась дикой обительницей природы, в доме она более реальна.

Мосси лежал на овчине у камина, где горело большое полено, грудь собаки поднималась и опадала в такт затрудненному дыханию. Глаза его были открыты, но пес не реагировал на окружающих и словно не видел ни языков пламени, ни миску с водой и миску с едой возле своего носа.

– Ничего не ест и не пьет, – сказала девушка и села на пол рядом с собакой, обняла ее, защищая.

Соломону следовало бы осмотреть собаку, а он глаз не мог оторвать от девушки. Она подняла голову – испуганные, растерянные, прекрасные, колдовские

зеленые глаза.

– Кровь идет? – Он подошел к Мосси, опустился рядом с ним, напротив Лоры, так близко он к ней еще не был. – Привет, парень! – положил руку собаке на спину, слегка погладил.

Мосси приподнял голову, в глазах боль. Слегка заскулил.

Лора воспроизвела песью жалобу с невероятной точностью – Соломон невольно уставился на нее.

– Крови нет, – сказала она. – Не пойму, что у него болит, но встать он не может.

– Нужно к ветеринару.

Она посмотрела Соломону прямо в глаза.

– Вы его отвезете?

– Я? Могу, но лучше спросить Джо, это ведь его собака. – Заметив ее гримаску, он уточнил: – И его тоже.

– Джо меня не любит, – сказала она.

– Нет, просто Джо не привык к переменам. Некоторые люди сердятся, когда что-то в жизни вдруг меняется.

– Все меняется, и нам приходится, – сказала она, и голос ее вдруг изменился, сделался басовитым, хриплым, с североанглийским акцентом – чужим.

– Что вы сказали?

– Так говорила Гага. Бабушка.

– А! Понял! Поедете со мной к ветеринару? – Он бы предпочел поехать с ней вместе.

- Нет. Нет. Я остаюсь здесь.

Глагол в настоящем времени. Не «я останусь», а «я остаюсь здесь». Постоянно.

Чистую кожу девушки подсвечивало пламя очага, комната казалась такой спокойной, безмятежной, хотя собака боролась тут за жизнь, и Лора была близка к отчаянию.

Она погладила тихо вздымавшийся и опадавший живот пса.

- Давно ли вы в последний раз спускались с горы? - спросил Соломон.

Она завесила лицо руками, скрываясь, не желая отвечать.

- Как долго вы тут живете? - настаивал он.

Она не сразу ответила.

- С шестнадцати. Десять лет уже, - сказала наконец, поглаживая Мосси.

- И с тех пор ни разу не отлучались?

Она покачала головой:

- Не было надобности.

Это его потрясло.

- Хорошо, но теперь надобность есть. Мосси будет лучше, если вы поедете с ним, - сказал он.

Мосси, словно подтверждая его слова, шумно выдохнул, и тело его содрогнулось.

Бо дожидалась снаружи вместе с Джимми, расхаживала туда-сюда, неуклюже пыталась завязать разговор, присматривалась к мерцанию огня в окнах, принюхивалась к выходявшему из трубы дыму.

– Как это Джо ни разу не заметил дыма? – спросила она, глядя, как над коттеджем собирается темное облако.

Джимми пожал плечами:

– На фермах всегда что-нибудь жгут.

Бо кивнула, соглашаясь.

– И вы не знаете, откуда она?

– Никогда прежде ее не видел, – покачал он головой. – А я тут знаю всех и каждого. В сельской местности вроде нашей, где всего несколько сотен человек живет по горам, это загадка, да и только. Моя супруга считает, она заходящая туристка, лазила тут вокруг, наткнулась на коттедж и расположилась в нем. Такое случается, их тут бродит немало, некоторые остаются. Влюбляются в наши места или в кого-то в наших местах, решают пустить корни. Вряд ли она тут давно обосновалась.

Бо призадумалась, но выводы жены полицейского не убедили ее, напротив, лишь вызвали новые вопросы. Почему Том предоставил девушке жилье? Брал ли он плату за аренду? Сомнительно. Они снимали свой фильм три года назад, и Том ни разу не возил их в эту сторону. Значит, девушка жила здесь уже тогда, иначе их бы пустили поснимать.

– К чему эти секреты? – вслух спросила она.

Джимми призадумался, но не ответил.

Дверь коттеджа отворилась, вышел Соломон, его крупное тело заполнило весь небольшой проем. За его спиной полыхал огонь, звукооператор казался огромной темной тенью. Смахивал на героя, выносящего пса из пожара.

Бо улыбнулась этому романтическому образу.

Соломон обернулся и заговорил с девушкой, остававшейся в доме:

- Пойдем, Лора, все хорошо.

И улыбка замерла на губах Бо – то ли от того, каким тоном он это сказал, то ли от того, как при этом выглядел.

Выпорхнула девушка в клетчатом платье-рубашке с поясом, поверх него просторный кардиган, на ногах кеды-конверсы, светлые волосы до плеч.

- Мосси нужен ветеринар, – сообщил всем Соломон. – Куда ехать?

- Патрик Мерфи живет на Главной улице. Приемная уже закрыта, но я ему позвоню.

Говоря это, Джимми внимательно присматривался к Лоре.

- Добрый день, Лора, – мягко заговорил он с ней, пытаясь установить контакт.

Она уставилась на свои кеды. Вид испуганный. Ухватила Соломона за руку. Очень крепко. Он почувствовал, как ее трясет.

- Вообще-то нам лучше сначала съездить, – сказал он и сделал шаг вперед. – Мосси совсем худо. Джо и сам бы хотел, чтобы первым делом позаботились о собаке.

- Верно, – смутился полицейский. – Лора, мы договоримся о встрече в ближайшие дни? Неформальной? Можете пригласить и этого парня, если хотите.

Лора цеплялась за руку Соломона, головы не поднимала. Другой рукой она бережно гладила Мосси. Тихо вторила щелчкам статического электричества в полицейской рации.

Джимми нахмурился.

– Мы договоримся, когда вы сможете побеседовать с Лорой, – пообещала Бо, двинувшись следом за Соломоном и девушкой. – И может быть, вы все-таки дадите мне интервью?

Она уже пыталась расспросить его о том, как он приехал на ферму и застал Тома на полу кухни, а рядом Джо. Ей нужно было, чтобы эту сцену кто-то описал со стороны. Самое время сторговаться: она поможет ему пообщаться с Лорой, а Джимми пусть поговорит с ней.

Лора вдруг замерла.

– Идем! – ласково уговаривал ее Соломон. Никогда Бо не слышала, чтобы он говорил таким тоном.

Лора неподвижно смотрела на Бо, и Соломон чувствовал себя очень неловко, но это, право, уже становилось смешно. Он очень устал и хотел поскорее добраться до кровати. И Мосси с каждой минутой прибавлял в весе.

– Джимми, отвезете Бо в нашу гостиницу? – попросил он, стараясь не глядеть Бо в глаза. – Закончим, и я туда же приеду, Бо.

Она приоткрыла рот, но ничего не произнесла.

– Сама же послала меня помочь! – буркнул он, проходя мимо нее к тропе, которая вела к припаркованной машине, с трудом удерживая собаку на руках.

Лора устроилась на заднем сиденье, рядом с ней Мосси, головой у нее на коленях. Бо, все с той же обиженной гримаской, садилась в машину к полицейскому. Со стороны было бы смешно на это смотреть, но Соломона происходящее ничуть не забавляло.

– Спасибо, Соломон, – сказала Лора так мягко, что Соломон мгновенно расслабился и гнев улетучился.

– Рад помочь.

В машине Лора затихла, только поскуливала иногда вместе с Мосси, словно пытаюсь взять на себя его боль. Соломон включил радио, потом приглушил звук, а затем и вовсе выключил. Минут тридцать ехать до ветеринара.

– Зачем полицейский приехал? – спросила Лора.

– Его вызвал Джо. Хочет выяснить, кто вы и почему тут живете.

– Я сделала что-то плохое?

– Не знаю, сами скажите! – засмеялся он, но, не услышав ответного смеха, вновь посерьезнел. – Вы живете в доме на земле Джо без его ведома, это... ну да, это противозаконно.

Глаза ее расширились.

– Но Том мне разрешил.

– Тогда все в порядке, достаточно будет им этого сказать. – Он прикинул и уточнил: – Есть письменное соглашение? Об аренде?

Она покачала головой.

Соломон кашлянул, прочищая горло, и она точно воспроизвела этот звук – это смущало, но, судя по невинному лицу Лоры, она вовсе не передразнивала Соломона, едва ли даже замечала, что делает.

– Вы платили ему?

– Нет.

– Ладно. Значит, вы просто попросили разрешения жить там и он согласился.

– Нет, его попросила Гага.

– Ваша бабушка? Она сможет это подтвердить?

- Нет. - Она опустила глаза и погладила Мосси. Поцеловала его в голову, потерлась лицом о шерсть. - Оттуда, где она теперь, - не сможет.

Мосси заскулил и прикрыл глаза.

- Том правда умер? - спросила она.

- Да, - ответил он, следя за отражением ее лица в зеркале заднего вида. - К сожалению. В четверг у него случился инфаркт.

- В четверг, - тихо повторила она.

Они припарковались на Главной улице, постучали в дверь ветеринарной клиники. Ответа не было, зато в соседнем доме распахнулась дверь и вышел какой-то мужчина, утирая салфеткой рот, а из-за его спины выплыл запах домашнего жаркого.

- Привет-привет, - заговорил он. - Джимми мне позвонил. Срочный случай, да? - добавил он, увидев на руках Соломона Мосси. - Заходите, заходите.

Соломон остался сидеть возле кабинета, Лора вошла туда вместе с собакой. Соломон уперся локтями в колени, уронил голову на руки - головокружение, земля так и не остановилась после долгого перелета.

Дверь кабинета отворилась, вышла Лора, по щекам ее струились слезы. Она молча села рядом с Соломоном.

- Как жаль! - Он обнял ее рукой за плечи, притянул к себе.

Вторая потеря за одну неделю. Он не знал, долго ли они так просидели, но охотно бы сидел так и дольше, если бы на пороге кабинета не появился ветеринар, терпеливо ожидавший, когда его клиенты оправятся и уйдут, позволив ему после долгого рабочего дня вернуться к семье.

- Извините. - Соломон убрал руку с плеч девушки. - Поехали.

Снаружи уже стемнело. Когда они вышли, из местного паба донеслась музыка.

– Я бы выпил пинту, – сказал Соломон. – Вместе?

В баре распахнулась дверь пожарного выхода, оттуда вылетела бутылка, точно приземлилась в баке для стекла, разбилась об уже накопившиеся там бутылки.

Лора воспроизвела звук бьющегося стекла.

Он рассмеялся:

– Это знак согласия.

Когда Соломон распахнул дверь паба и завсегдаи уставились на двух чужаков, Лора попятилась. Соломон только рад был устроиться снаружи, не под взглядами местных жителей. Лора отхлебывала воду из стакана, а Соломон растягивал пинту «Гиннесса».

– Совсем не пьете? – уточнил он.

Она покачала головой. От этого движения в стакане задрезжал лед. Она с изумительной точностью воспроизвела песенку льда. Никак Соломон не мог с этим освоиться, но и не понимал, как заговорить с Лорой о ее даре, которого она сама вроде бы и не замечала.

– Ты как? – спросил он. – Том и Мосси. Многовато за одну неделю.

– За один день, – отозвалась она. – Я и про Тома узнала только сегодня.

– Жаль, что тебе пришлось узнать об этом таким образом, – тихо сказал он.

– Том всегда привозил мне по четвергам продукты. Когда он не приехал в этот раз, я поняла, что-то случилось, но некого было спросить. В лесу я приняла Джо за Тома. Я никогда его не видела. Они очень похожи. Но он был такой сердитый. А Том никогда не сердился.

- Ты прожила здесь десять лет и ни разу не видела Джо?

Она покачала головой:

- Том не хотел.

Он чуть не спросил, почему не хотел, но вовремя остановился.

- Джо горюет. Обычно он более покладист. Не надо его торопить.

- Так ты ничего с четверга не ела? - спохватился Соломон.

- У меня есть фрукты, огород, яйца. Я сама пеку хлеб. Всего достаточно. Но Том хочет... хотел... чтобы у меня было больше. Я как раз пошла по ягоды, когда встретила тебя. - Она застенчиво улыбнулась, словно припоминая эту встречу.

Соломон улыбнулся в ответ и вдруг рассмеялся - над самим собой, смущенным точно школьник.

- Господи, так давай я тебе еды закажу. Что будешь, бургер с чипсами? - Он поспешно поднялся. - Я и сам уже два часа как не ел.

Она улыбнулась.

Соломон думал, девушка сразу набросится на еду, но ничего подобного. Она все делала спокойно, без спешки, и теперь длинными тонкими пальцами изящно подносила ко рту чипсы.

- Невкусно?

- Не чувствуется картофель. - Она уронила чипс на промасленную бумагу и сдалась: - Нет, я такое не ем.

- В отличие от Тома.

Глаза ее расширились.

– Я все уговаривала его соблюдать диету. Он и слушать не хотел.

Она снова приуныла, словно вспомнив о своей утрате.

– Джо и Том не из тех, кто прислушивается к советам, – сказал Соломон, чтобы она перестала себя винить.

– Однажды он признался, что на обед съел сэндвич с ветчиной. Я так его запилила, что в следующий раз он вернулся довольный собой: съел сэндвич с бананом. С фруктом полезнее – так он решил.

Они дружно рассмеялись.

– Значит, я был неправ, – ласково сказал Сол. – Тебя он все-таки слушался.

– Спасибо, что ты это сказал.

– А как бабушка познакомилась с Томом? – спросил он.

– Ты все время задаешь вопросы.

Он призадумался.

– Ну да. Я так веду разговор. А как ты ведешь разговор? – И оба расхохотались: опять он задал вопрос.

– Никак. Мне не с кем разговаривать. Кроме Тома. То есть из людей не с кем.

За дальним столиком кто-то поднялся, отпихнув скамью, та со скрежетом проехала по полу, и Лора повторила этот звук – несколько раз, пока не получилось один в один. Официантка, убиравшая рядом с ними со стола, удивленно обернулась.

– Я веду прекрасные разговоры сама с собой, – продолжала Лора, то ли не заметив этого взгляда, то ли не желая обращать внимание. – С Мосси и Рингом. И даже со всякими вещами.

- Не ты одна, - усмехнулся он, следя за каждым ее жестом, захваченный и увлеченный.

Она произвела очередной звук, от которого он рассмеялся, - было похоже на сигнал мобильного.

- Что это?

- Ты о чем? - нахмурилась она.

Звук раздался снова, но губы Лоры - он следил внимательно - не шевелились. Тут он почувствовал, как вибрирует в кармане телефон.

- А! - Он сунул руку в карман и достал мобильник.

Пять пропущенных звонков от Бо, три сообщения нарастающей степени отчаяния.

Он положил телефон на стол, вниз экраном. Пусть себе.

- А как ты познакомилась с Томом?

- Опять вопросы.

- Потому что я хочу больше знать о тебе.

- И я хочу больше знать о тебе.

- Так спрашивай, - улыбнулся он.

- Есть и другие способы узнать человека. - Ее взгляд проникал в него, наверное, до самого сердца.

- Хорошо. - Он снова откашлялся, и она снова идеально воспроизвела этот звук. - Мы - я, Бо и Рейчел - снимали о Томе и Джо документальный фильм.

Целый год провели с ними, усвоили весь их распорядок дня. И у меня сложилось впечатление, что близнецы ни с кем не общались, кроме поставщиков и покупателей, да и тогда это редко бывало вживую. Практически всю жизнь они так и провели – только вдвоем. Вот я и спросил, как Том познакомился с твоей бабушкой.

– Через мою маму, которая привозила им еду и все остальное. И дом убирала.

– Бриджет – твоя мать? – уточнил Соломон.

– До Бриджет.

– Как давно? – Соломон подался ближе к рассказчице, внимая ее истории. Ему было все равно, правду она говорит или сочиняет, но он склонен был думать, что тут все достоверно.

– Двадцать шесть лет назад, – сказала она. – Или чуть больше.

Он уставился на нее. Постепенно дошло. Ей двадцать шесть. Том приютил ее на своей земле. Двадцать шесть лет назад ее мать работала в доме у близнецов.

– Том – твой отец, – еле слышно пробормотал он.

Это привело ее в смятение, она завертела головой, послышался звук чокающихся бокалов, бутылок, разбивающихся одна о другую в контейнере, звенящего в стакане льда. Звуки вылетали из ее рта поспешно, накладываясь друг на друга, – Лора не могла совладать с собой.

Он был потрясен и своим открытием, и еще более – тем, что оно подействовало на Лору. Обеими руками придержал ее ладони:

– Прости, еще раз прости, что тебе пришлось вот так узнать о его смерти.

Она повторила тот звук, который он издавал, откашливаясь, – сейчас он не откашливался, но Лора усвоила, что Соломон прочищает горло, когда ему становится не по себе, и таким образом, видимо, пыталась передать ему свое состояние, показать, что она чувствует себя так, как он в подобные моменты.

Возможно, это звукоподражание – своего рода язык. Или же он окончательно выжил из ума, тратит столько времени и веры на человека, которого Бо сочла по меньшей мере простоватым, а то и отстающим в развитии. Но сидевшая перед ним женщина уж никак не казалась простоватой. Похоже, она способна общаться и передавать смыслы на таком уровне, который ему еще только приоткрывается.

– Лора, почему ты сегодня позвала меня?

Она подняла на него колдовские зеленые глаза.

– Потому что кроме Тома я знаю только тебя.

Никогда ему не доводилось быть для кого-то единственным знакомым. Это так странно – и так прекрасно, небывалая близость. А еще к этому нельзя относиться легкомысленно, это большая ответственность. Это надо ценить и беречь.

Глава шестая

Следующее утро. Съёмочная группа сидит на кухне у Джо. Джо мрачно сгорбился в своем кресле, у его ног – Ринг, тоскующий по лохматому товарищу.

Только что Бо со всей доступной ей деликатностью известила Джо о том, что Лора – дочь Тома. Он ничего не ответил, ни слова. Глубоко погрузился в свои мысли, возможно, перебирает все разговоры с братом, все моменты, когда брат ухитрялся от него это скрыть, когда он был обманут, пытается представить себе, как близнец все эти годы хранил от него свою тайну.

Сердце Соломона щемит так, что он не может и смотреть на Джо. Держит микрофон поближе к нему, а сам отворачивается – из уважения старается не смотреть на Джо, дать ему хоть какую-то укромность. Самый тяжелый момент в его жизни, а в дом набились трое чужаков и в лицо ему тычут камеру. Соломон уговаривал не сообщать Джо эту весть под запись, но решающее слово принадлежит продюсеру.

- Мать Лоры, Изабел, вела ваше хозяйство двадцать шесть лет назад.

Джо смотрит на Бо и слегка опоминается.

- Изабел? - выпаливает он.

- Да. Помнишь ее?

Он призадумался.

- Она тут особо не задержалась.

Снова молчание, его мозг напряженно работает, перебирая воспоминания.

- Не припоминаешь, Том был как-то особенно близок с Изабел?

- Нет.

Пауза. И снова:

- Нет. Ну он... - Джо откашлялся. - Знаешь, все как с Бриджет. Он нанял ее убирать и покупать продукты. А я работал на ферме. Я к этому отношения не имел.

- Так что ты не знал про их роман?

Судя по лицу Джо, ему только что пришло это в голову: чтобы стать отцом, нужно иметь «роман» с какой-то женщиной. А ведь они оба утверждали, будто ничего такого в их жизни не было. Два восьмидесятилетних девственника.

- Девушка уверена?

- Вот что она рассказывает. Ее мать, Изабел, скрывала беременность. Никто не знал, кроме матери Изабел. Домашние роды, потом мать и бабушка растили девочку в своем доме, дали ей домашнее образование. Изабел заболела раком и вскоре умерла, тогда ее мать, бабушка Лоры, сама уже недомогавшая,

договорилась с Томом, и девушку поселили в коттедже.

– Значит, он про нее знал, – сказал Джо, словно эта мысль жгла его все время, но он боялся спросить.

– Лора думает, что Том узнал о ней только после смерти Изабел, то есть десять лет назад. Коттедж по возможности подновили, но электричества и водопровода нет. С тех пор Лора там и жила. – Бо сверилась с записями. – Хетти Мерфи после смерти мужа вернула себе девичью фамилию Баттон. Изабел тоже взяла фамилию матери, и девушка называет себя Лора Баттон. Хетти Баттон умерла девять лет назад, через полгода после того, как пристроила внучку.

Джо кивнул:

– Так что теперь она осталась совсем одна.

– Именно.

Он обдумал и это:

– Рассчитывает на его долю, думается мне.

Соломон впервые взглянул старику в лицо:

– Его долю?

– Земли. Том написал завещание. Она в нем не значится. Если у нее были какие надежды.

Пресловутая ирландская жадность до земли обуяла его.

– Лора ничего не говорила о своих правах. Никому из нас.

Джо разволновался, ответ Бо ему не слишком помог. Он словно готовился к битве. Его земля, его ферма – вся его жизнь, ничего другого он с детства не знал. Он не готов расстаться даже с малым ее клочком лишь потому, что брат

так долго ему лгал.

– Может быть, Том собирался с духом, чтобы когда-нибудь тебе признаться, – сказала Бо.

– Ну так он этого не сделал, – с нервным, сердитым смешком возразил он. – Так ни слова и не сказал.

Бо дала ему небольшую передышку и снова:

– Если бы ты раньше это узнал, ты бы позволил Лоре жить в коттедже?

Он не ответил. Казался растерянным.

– Ты готов признать ее родственницей? – настаивала Бо.

Он не ответил. Сидел очень спокойно, хотя едва ли был спокоен в душе.

Бо оглянулась на Соломона, соображая, как продвигаться дальше:

– Наверное, о родстве пока думать рано. Проще пока решить, готов ли ты поддерживать ее, как Том?

Он обеими руками ухватился за подлокотники кресла, Соломон видел, как побелели костяшки пальцев.

– Джо! – мягко настаивала Бо. – Ведь это значит, что ты не один. Ты – дядя Лоры.

И тут Джо встал во весь рост, попытался отцепить от лацкана микрофон. Руки у него тряслись, он явно был раздосадован, сердит и, помимо всего прочего, злился на съемочную группу, словно это она принесла в его жизнь такое расстройство.

– Довольно, – сказал он, роняя микрофон на покрывавшую деревянное кресло тонкую подушку. – Хватит на сегодня.

Впервые он сам прервал съемки.

Команда перебралась в коттедж Лоры. Девушка сидела в кресле, на ней все то же клетчатое платье-рубашка с поясом на талии и потрепанные конверсы. Длинные волосы недавно вымыты и теперь сохли, на прекрасной чистой коже ни капли косметики.

Камеру выключили. Рейчел со своим оборудованием осталась снаружи, чтобы позвонить Сюзи. День пасмурный, вчерашняя жара рассеялась, и Соломон задумался, как же девушка тут живет зимой, когда и в его современной городской квартире в Дублине мрачновато. Бо что-то говорит, Лора следит глазами за Соломоном, и в присутствии Бо его это стесняет. Он откашлялся.

Лора повторила этот звук.

Соломон покачал головой и улыбнулся.

Бо ничего не заметила, она готовилась к разговору.

– Итак, учитывая, что мы не знаем, готов ли Джо помочь вам, забегаю вперед, мы, Соломон и я...

При упоминании своего имени он прикрыл глаза. Она хочет завоевать доверие девушки, выступая в качестве друга Соломона, а значит, и ее друга. Формально все верно, она же его подруга. Но все равно чувствуется привкус обмана.

– Мы хотим вам кое-что предложить. Предложить вам помощь. Понимаю, начало нашего знакомства получилось неудачное, и я хотела бы объяснить. Я всячески извиняюсь за свое поведение при первой встрече. Я разволновалась. – Бо прижимает руку к сердцу, она совершенно честна, каждое ее слово правда. – Я снимаю документальное кино. Целый год снимала вашего отца и дядю.

Лора вздрогнула, словно и ее открывшаяся правда ранила не меньше, чем Джо.

– Они замечательные люди, они оба были замечательные, их историю узнал теперь весь мир. Фильм идет в двадцати странах. У меня он есть с собой в

айпаде, если хотите. – Она протянула Лоре айпад, присматриваясь, понимает ли девушка, о чем идет речь.

Лора воспроизвела пощелкивание айпада.

– Стоит нажать – и начнется фильм. – Бо коснулась экрана, и пошли первые кадры.

С минуту она дала Лоре посмотреть.

– Теперь я хочу снять документальный фильм о вас. Снять вас здесь, в коттедже, понять, кто вы и как живете.

Лора оглянулась на Соломона. Он собирался кашлянуть, но вовремя остановился. Лора подхватила, откашлялась его голосом. Бо пока еще ничего не замечала.

– Мы вам заплатим, правда немного. Вот договор.

Она вынула из папки лист бумаги и протянула девушке.

Лора неподвижно уставилась на эту страницу.

– Оставлю вам, вы подумаете.

Бо тоже посмотрела на этот лист, прикидывая, надо ли что-то еще объяснять или это покажется высокомерным. Тем более Соломон торчал у нее за спиной, судил, может, не специально, но она чувствовала его осуждение, исходивший от него холодок, что бы она ни говорила и что бы ни делала. Да, она ценила его умение справляться с определенными ситуациями, но предпочитала сохранить за собой свободу действовать так, как считала нужным, не страшась его критики, не ощущая неодобрения, даже разочарования Соломона. Ей все время приходилось сдерживать себя – или подводить его. И сейчас она не хотела, чтобы холодок между ними нарастал, но еще более не хотела сомневаться в своем умении делать работу, в которой – она сама это знала – была асом. В каком-то смысле раньше было легче, пока у них не завязался роман. Тогда ее интересовало, что Соломон думает о работе, а не о ней самой.

Бо почувствовала, что сдвинулась совсем на край стула, вторгаясь в личное пространство Лоры. Заставила себя откинуться на спинку, убрать с лица напряжение, вроде бы она спокойно ждет положительного ответа.

Лора посмотрела первые минуты фильма о своем отце и дяде.

– Мне кажется, я бы не хотела, чтобы люди узнали обо мне, – сказала она, и Соломон удивился, какое облегчение принесли ему эти слова.

Он не считал документальные фильмы покушением на частную жизнь и все же гордился Лорой, которая умеет отстаивать то, что считает правильным, не льстит на внимание и славу, как очень многие. Нечасто Бо приходилось уговаривать человека что-то сказать на камеру, достаточно камеру включить, и все наперебой рвутся отвечать, соблазненные пятью минутами славы. Как хорошо, что Лора – другая. Нормальная. Нормальный человек, довольный своей анонимностью, ценящий укромность. Да, но тут есть еще что-то.

– Вам не придется делиться тем, чем вы не захотите делиться, – настаивала Бо. – Джо и Том разрешили нам всюду ездить с ними, смотреть, как они живут и как друг с другом общаются, и они никогда не жаловались, что мы заходим чересчур далеко. Действовало соглашение, понятное обеим сторонам: по первой же просьбе мы прекращаем снимать.

Впервые это случилось нынче утром в кухне Джо. И Бо до сих пор переживает, словно поссорилась с другом.

Лору это успокоило.

– Я хочу остаться самой собой. Не хочу... – Она обвела рукой айпад, лежавшие на столе газеты и журналы с отзывами о фильме. – Ничего этого не хочу.

Натянув рукава кардигана почти до пальцев, она обхватила себя руками, словно замерзла.

– Все ясно, – сказал Соломон и посмотрел на Бо: на этом ставим точку. – Мы уважаем твое решение. Только занесем кое-какие покупки перед отъездом.

Он притащил пакеты и сложил к ее ногам. Пожалуй, тут он немного перестарался, но не мог же он оставить ее в пустом доме: а вдруг Бриджет станет на сторону Джо и больше не будет ничего покупать для Лоры? Заскочив в местный магазин для туристов, он скупил чуть ли не все одеяла, футболки и джемперы. Представить себе страшно, какая тут бывает холодина, ветер задувает в щели, старые окна, летучие мыши мечутся в нескольких метрах от дома.

Бо ни словом не прокомментировала его действия. Сидела в машине, проверяя почту, пока он укладывал в багажник пакет за пакетом. Только теперь Бо разом увидела всю кучу, оценила ее размеры и с изумлением покосилась на Соломона. Он смутился, но Бо, кажется, осталась довольна. Сочла, что таким способом удастся убедить Лору и она согласится на сотрудничество.

– Я подумал, тут зимой бывает очень холодно, – пояснил Соломон, неловко переминаясь, засовывая руку то в один пакет, то в другой, пытаюсь пояснить, что там внутри.

Бо улыбнулась, сдерживая себя, чтобы не расхохотаться при виде его растерянности.

– Так что скажете? – подалась она вперед.

– Большое спасибо за все это, – ответила Лора, заглядывая в пакеты. Обернулась к Соломону: – Всего слишком много. Я никогда столько не съем одна.

– У вас тут трое гостей, готовых помочь, – небрежно пошутила Бо. Давит, всегда продавливает свое.

– Лучше я все это вам верну, – сказала она Соломону и добавила, обращаясь к Бо: – Я не могу сниматься в вашем фильме.

– Это твое! – твердо повторил Соломон. – Будешь ты сниматься или нет – твое.

– Да-да, не надо возвращать, – рассеянно подтвердила Бо.

Соломон уже готов уйти, он не собирается давить на девушку, не хочет показаться ей наглым, но Бо готовится к очередному заходу. Пусть она покажется не столь деликатной, неловкость длится недолго по сравнению с большим и важным делом: она нутром чует, Лору упускать нельзя.

Потрясающая, очень красивая, загадочная – никогда Бо еще не видела ничего подобного. Одной ее уединенной и таинственной жизни хватило бы для сюжета, а тут еще и эта особенность, которая сразу поражает воображение. Само совершенство. Соломон прощается, а Бо медлит, собирает бумаги, укладывает аккуратной пачкой копии газетных вырезок, перебирая в уме, что еще сказать.

– Иди, Сол. Я буду через минуту, – говорит она, убирая папку в свой портфель, очень неторопливо.

Соломон выходит и закрывает за собой дверь.

Ушел ее парень – мрачный и ею недовольный.

Бо поднимает глаза на Лору, девушка, похоже, вот-вот заплачет.

– Что такое? – удивленно спрашивает Бо.

– Ничего. Только... нет, ничего, – слегка задыхается она. Встала, прошла в дальний угол, где у нее кухонька. Налила себе воды и, не отрываясь, осушила чашку.

Какая необычная девушка! Бо хотела бы знать о ней все. Увидеть мир ее глазами, пройти по земле ее ногами. Лора должна согласиться! Нельзя ее упускать. Бо знает за собой эту граничащую с одержимостью профессиональную страсть, но одержимость как раз и позволяет ей до конца понять сюжет. Она должна полностью раствориться в жизни другого человека, и она этого хочет. Бо как раз искала новый сюжет после «Близнецов Тулин», и вот он, новая история совершенно естественно возникла, буквально родилась из прежней. Это идеально, это правильно, это может оказаться даже посильнее «Близнецов». Работа Бо в том и состоит, чтобы показать другим то, что видит она сама, научить их чувствовать то, что она чувствует. И она должна убедить Лору.

– Лора, – мягко подступает она, – я уважаю ваше решение не сниматься, но хочу убедиться, что вы видите ситуацию целиком. Эта неделя была для вас

слишком тяжелой, пора больших перемен после смерти вашего отца.

Лора смотрела себе под ноги, кончики длинных ресниц касались лица. Бо заметила, как девушка реагирует, когда Тома называют ее отцом, Джо – дядей, нужно быть с этим поосторожнее. Эти слова пугают Лору, предстоит выяснить почему. Почему, почему, почему! Кажется, эта девушка целиком состоит из тайн: зачата втайне, втайне рождена, выращена, втайне и живет. Пора прервать эту цепочку.

– Для вас это новое начало. Жизнь не стоит на месте. Неизвестно, позволит ли Джо вам тут жить, а если позволит, не факт, что он станет помогать вам жить так, как вы жили последние десять лет. Не уверена, что Джо станет договариваться за вас с Бриджет, платить за продукты, – насколько я понимаю, все ваши расходы брал на себя Том?

Лора кивнула.

– Если Джо не станет помогать, как вы доберетесь до магазинов без машины? А деньги у вас есть? Есть на что купить еду? Том заботился о вас и все же оставил в очень уязвимом положении. – Следующую фразу Бо постаралась произнести как можно деликатнее: – В завещании Тома вы не упомянуты. Он целиком оставил свою долю фермы брату. Может быть, он собирался рассказать ему о вас, но так этого и не сделал.

Она подождала, пока Лора, обеими руками вцепившаяся в спинку кресла, осмыслит эту весть. Взгляд девушки заметался по комнате, она пыталась понять происходящее, прежний устойчивый мир рассыпался на ее глазах.

– Если вы примете участие в съемках, мы сможем вам помочь. Мы все трое будем тут, привезем вам, что понадобится. Поможем с переездом, если вы захотите устроиться в другом месте. Во всем поможем. Вы не одна. У вас есть я, Рейчел и конечно же Соломон, я же вижу, он сразу вас полюбил, – с улыбкой добавила Бо.

Глава седьмая

– Согласилась! – пропела Бо, шагая по тропе к машине, где ждали ее Соломон и Рейчел.

– Как? – изумилась Рейчел. – Сол только что сказал, что она против.

– А теперь за! – Бо подняла руку, словно ожидая, что Рейчел торжественно хлопнет по ней ладонью. Но оба молча таращились на нее. – Долго мне так руку держать?

Рейчел хлопнула рукой по ее руке, но не сдержала смеха:

– Невероятно! Ты – это нечто.

Бо приподняла брови, принимая комплимент как должное, а руку так и не опустила, дожидаясь Соломона.

Тот скрестил руки на груди.

– Не буду ничего праздновать, пока ты не объяснишь, почему она передумала.

Бо уронила руку, завела глаза чуть ли не под лоб.

– А другого режиссера ты бы тоже стал допрашивать? Или только мне такая честь? Я бы хотела видеть от тебя не меньше уважения, чем получают другие. Имею я право?

– Если бы на моих глазах режиссеру ответили «нет», а стоило мне выйти и он получил «да», – еще бы, я бы его спросил.

– Непременно «его»? – уточнила Бо.

– Какая, к черту, разница? Пусть ее.

– Ребята, прежде чем вы вцепитесь друг другу в глотку, давайте с планами разберемся, – перебила их Рейчел. – Мне пора домой к Сюзи, у нас в пятницу УЗИ, я не собираюсь его пропускать. – Голос ее угрожающе серьезен. – Хочу

понимать, что у нас намечается. Какой план?

Бо переводила взгляд с одного на другого, словно глазам своим не верила.

– Ребята! – обиженно сказала она. – Можно на минутку прекратить нытье и оценить, отпраздновать тот факт, что у нас есть сюжет для нового фильма – сюжет утвержден! Можно не портить этот момент, задавая тысячу вопросов? Просто порадоваться? – Она еще раз обвела их взглядом. – Мы снова в деле! Уху! Ну же!

Она теребила их, пока оба не сдались, не признали ее победу и не обняли Бо с обеих сторон, на время оставив сомнения.

– Поздравляю, чертовка упрямая! – сказал, целуя ее, Соломон.

Она расхохоталась:

– Благодарю! Наконец-то заслуженное признание.

– Итак... – заговорила Рейчел.

– Знаю, знаю. Сюзи! – ответила Бо, торопливо соображая. – Конечно, ты должна ее повидать. Все сойдется, снимать надо сейчас, сама погода подсказывает. Зимой тут хмарь, тут тяжело. Ты, Рейчел, тысячу раз плюхалась на задницу и, хотя со стороны это ужасно смешно, сама говорила, как это опасно.

Соломон захихикал.

– И хотя фильм должен охватывать ее жизнь тут во все сезоны, потому что это, я считаю, важно, основной материал я хочу отснять прямо сейчас. Покажем людям, как мы ее нашли. Спящую красавицу в домике, скрытом посреди леса. Мне нужны краски, нужен свет, нужны эти звуки, – продолжала она, охватывая все разом. – Это все летнее. А кроме того, если мы будем тянуть, Лора может передумать. И мне нужны ее мысли, желания, мечты какие они есть, а не то, что она вычислит, копаясь в себе несколько месяцев подряд. Ее жизнь меняется прямо на глазах, и мы должны проследить каждую минуту. К тому же мы не знаем, долго ли Лора сможет тут пробыть. Вдруг мы уедем, а он ее выгонит. При

нас он вряд ли так себя поведет. Так что, с учетом всех обстоятельств, сегодня мы отправляемся домой, все готовим, ты, Рейчел, собираешь оборудование, я – бумаги. Вернемся вечером в воскресенье. В понедельник начинаем съемки – самое большое на две недели.

На том и порешили.

– Рейчел, роды у Сюзи планируются через три недели, если тебе придется уехать раньше... – Бо прикинула, кого из операторов можно позвать на замену. – Можно спросить Энди, и посмотрим...

– Энди – тупица, снимает он в сто раз хуже меня. Не вздумай позвать вместо меня Энди. Я тебе этого не прощу. Никто не будет снимать вместо меня, – твердо заявила Рейчел. – Это сюжет! – ткнула она пальцем вверх, в сторону коттеджа. – И я хочу с ним поработать.

Услышав, как горячо Рейчел поддержала Бо, Сол и сам почувствовал мурашки на коже. Никогда она прежде не проявляла такого энтузиазма, да и сам он ничего подобного не чувствовал. Все трое спешили поскорее взяться за дело, погрузиться в историю Лоры. Бурля от возбуждения, Бо вернулась в коттедж обсудить с Лорой график съемок, но вернулась уже не столь радостной.

– Она отказалась, – угадал Соломон. И почему-то его это огорчило.

– Не совсем. Но запаниковала. И зовет тебя, Сол. Опять.

Он вошел в коттедж и закрыл за собой дверь. Лора бродила между кроватью, кухней и гостиной зоной своей единственной комнаты.

– Привет, – сказал он.

В ответ послышался какой-то звук. Он не сразу сообразил, пока не запер дверь: раздался в точности такой же звук защелкивающейся задвижки. Может быть, эти звуки порой выражают желание или просьбу. Соломон внес это наблюдение в список подлежащего обдумыванию.

Она встретила с ним взглядом:

- Я думала, начнется прямо завтра.

- Фильм?

- Да.

- Нет. К сожалению. Сразу начать невозможно. Надо съездить домой и подготовиться. В понедельник вернемся на две недели.

- Когда вы уезжаете? - спросила она, все так же беспокойно бродя по комнате.

- Сейчас, - ответил он. - Лора, что случилось?

- Вы уедете, а я останусь одна.

Раздалась птичья трель - встревоженная, испуганная.

- Всего пять дней. Ты всегда была тут одна.

- Джо не хочет, чтобы я тут жила.

- Мы пока не знаем, чего хочет Джо, - сказал Соломон. - Он сам потрясен и растерян, дай ему время оправиться.

- А вдруг он придет сюда, когда вас не будет, и велит мне убираться? Или полиция приедет? Что мне тогда делать? Куда идти? Я никого не знаю. У меня никого нет.

- Если что-то случится, звони мне. Вот. - Порывшись в карманах, он достал ручку и лист бумаги. - Я оставлю свой телефон.

- Как я позвоню? У меня нет мобильного.

Он замер, так и не коснувшись ручкой бумаги.

- Оставайтесь, пожалуйста. Я готова сниматься хоть завтра, - умоляла она, то и дело сглатывая - в горле от волнения пересохло.

- Мы не можем снимать завтра, Лора, - мягко возразил он. - Успокойся, все будет хорошо, вот увидишь. Мне нужно попасть завтра на мамин день рождения. Ей семьдесят. Она живет в Голуэе. Не могу же я пропустить юбилей. И Рейчел, оператор, - у нее жена беременна, ей тоже пора вернуться домой, и наша Бо, режиссер и продюсер, должна все подготовить к следующей неделе, планы, документы, а еще у нее публичная лекция. Нам нужны оборудование, разрешение. Мы никак не можем завтра начать.

- А можно я поеду с вами? - взмолилась она.

Он уставился на нее, не веря своим ушам, не зная, что на это ответить.

- Ты хочешь?..

- Пожить у вас. Здесь мне оставаться не вмоготу. Все изменилось. Все меняется, и нам приходится.

Она была в панике, мысли метались.

- Успокойся, Лора, все в порядке, все по-прежнему, ничего не изменилось. - Он подошел к ней, взял за руки, очень нежно, хотел, чтобы она посмотрела ему в глаза. Сердце резко забило от одного прикосновения к ее коже. Она покорно подняла взгляд - глаза цвета травы уставились ему прямо в душу.

- Мой отец умер, - заговорила она, все так же проникновенно на него глядя. - Мой отец умер, а я так ни разу не назвала его отцом. Я даже не знала, известно ли ему, что я его дочь. Мы даже ни разу... - Слезы потекли по ее щекам.

- Полно, полно, - шепнул он, обхватив ее обеими руками, прижимая к себе так, что ее голова уткнулась ему в грудь. Он словно пытался закутать ее в свою любовь и заботу.

- Как может быть домом то место, где ты никому не нужна? - сквозь слезы спросила она. - Раз меня гонят отсюда, это не дом.

Он не нашелся с ответом.

На всем белом свете он – единственный знакомый ей человек. Он не может уехать и бросить ее здесь.

– Что. За. Черт, – чуть ли не по слогам произнесла Бо, распрямляясь при виде Соломона с пакетами в руках и следовавшей за ним по пятам Лоры.

– Она едет с нами, – сообщил он и занялся пакетами, избегая пристального взгляда Бо, пока складывал их в багажник.

– Что? – Бо обошла машину и встала рядом с ним.

– Ей страшно. Она не хочет оставаться одна, дожидаясь нашего возвращения. Интересно, кто ее так запугал, Бо, – проворчал он сквозь зубы, чувствуя, как вздуваются вены на шее. Здорово он разозлился.

– Но ты же едешь к родителям!

– Точно, и беру ее с собой. С тобой в Дублин она не поедет, – буркнул он, пытаясь пристроить чемодан и пакеты с покупками между киношным оборудованием.

Он ждал, что Бо заспорит, скажет, ни в коем случае, она не отпустит своего парня на семейную вечеринку с молодой, красивой и загадочной женщиной, но когда он распрямился, то увидел на лице Бо широченную ухмылку.

– Лора! – окликнула она девушку, выставляя разом оба больших пальца. – Отличные новости! Лучше не бывает.

Глава восьмая

– «Белоснежка»! – провозгласила Бо, стукнув бутылкой о столик в гостиничном баре – чуть громче, чем собиралась.

Рейчел засмеялась. Соломон покачал головой и потянулся за орешками.

– Правда же, настоящая Белоснежка! – взволнованно убеждала его Бо. – Это я смогу продать. Живет в лесу, болтает с чертовыми зверями.

Соломон и Рейчел невольно расхохотались, уж очень Бо напориста, когда закусит удила. Она пьяна, глаза разгорелись, щеки порозовели, обсуждает свой будущий фильм. Домой они так и не поехали, Бо уболтала Рейчел задержаться на два дня. Поселились в гостинице, днем будут снимать, домой поедут в пятницу, а в воскресенье ночью уже вернутся. Она просто не может сдерживаться, ее возбуждение заразно, Соломон и Рейчел даже не пытаются спорить. Лора отправилась в номер на верхнем этаже, смежный с комнатой Бо и Соломона: Бо велела заснять, как она входит в гостиницу и в номер. Первые осторожные шажки в большой страшный мир, хотя пока ничего особенного не происходило. В конце концов, Лора не в волчьей стае выросла, она умела себя вести. Что бы она ни переживала, это она держала в себе, внешне не обнаруживая. Рейчел снимала, как Лора садится в машину – впервые за десять лет, как исчезает вдали за домом летучих мышей ее коттедж. Лора не оглянулась, только повторила звук заработавшего двигателя. Расставаясь с фермой Тулинов, Лора не обнаружила никаких эмоций. Тихо и неторопливо впитывала все вокруг, и смотреть на нее было отрадно, словно на новорожденного младенца. Только звуки, вылетающие из ее горла, немного приоткрывали чувства, которые она так старалась обуздать.

– Словно мы ребенком обзавелись, – пошутила она, когда за Лорой закрылась дверь смежной комнаты. Пошутила и сама вздрогнула.

– Если Лора – Белоснежка, кто же злая мачеха, вынудившая ее прятаться в лесу? – уточнила Рейчел.

– Бабушка, – ответил Соломон, язык у него развязался. Весь день его клонило в сон, а тут вдруг он проснулся. – Но не со зла. С самыми лучшими намерениями.

– Все злые люди думают, будто действуют с самыми лучшими намерениями, – подхватила Бо. – Чарльз Мэнсон хотел убийствами спровоцировать

апокалиптическую войну рас... Может, «Рапунцель»?

- Или «Маугли»? – засмеялась Рейчел.

Бо ее не слушала.

- Заперта в домике на вершине горы, отрезана от мира. И у нее прекрасные белокурые волосы, – добавила она. – Хотя волосы не так уж важны, но мы же понимаем, что в конечном счете и они важны. – Она помахала пальцем перед носом у Рейчел и Соломона, запрещая им спорить, хотя они и не собирались.

- Почему ты ухватилась за Диснея? – спросила Рейчел. – Думаешь, привлечет инвесторов?

- Потому что это похоже на сказку. В ней есть что-то воздушное, неземное, вы согласны?

Сол согласен, он сразу это почувствовал, и, наверное, было неверно, даже глупо воображать, что Лора так подействует только на него.

- Разговаривает со зверями и птицами, – продолжала Бо. – Чистый Дисней.

- Де Ниро разговаривал с зеркалом, – напомнила Рейчел, – а Ширли Валентайн и вовсе со стеной.

- Не совсем то, – улыбнулась Бо.

- Она не разговаривает с ними, она им подражает, – пояснил Соломон. – Действительно, не совсем то.

- «Имитатор». «Имитаторша».

- Фи, ты же феминистка, откуда эти гендерные обозначения? Стыдись! – заявила Рейчел и жестом велела бармену снова наполнить кружки.

- «Лора: звуки и отзвуки».

- Идеально, - фыркнула Рейчел. - Для «Вся правда на телеэкране».

- Она подражает, - рассуждал вслух Соломон, - услышав что-то новое, повторяет несколько раз, пока не получится. Может быть, это способ понять. Испугавшись, она издает тревожные звуки - лай, рычание, при первой встрече с нами - вой сирены. Эти звуки у нее ассоциируются с опасностью или защитой.

Женщины призадумались над его анализом.

- Интересно, - кивнула Рейчел. - Я не думала, что это целый язык.

- Не думала? - переспросил Соломон. Ему это казалось очевидным. Столько разных звуков! Скулила вместе с Мосси, сочувствуя ему, издавала испуганные или агрессивные звуки, когда ее окружили в лесу. Прокашливалась, как Соломон, если видела, что ему неловко, или ситуация в целом ее смущала. Эти звуки имели смысл. Очень странные, но в них прослеживалась система.

- «Язык Лоры», - предложила Бо очередной вариант названия.

- «Театр Лоры»? «Лора-мим»? - выдвинула свою версию Рейчел.

- Глубоко берешь, - засмеялась Бо.

- Она воспроизводит только звуки. Не действия, не движения, - уточнил Соломон.

Его собеседницы призадумались.

- Она не становится на четвереньки, изображая собаку, не бегают по комнате, взмахивая руками, словно крыльями. Она повторяет звуки.

- Так, хорошо.

- За нашего друга-антрополога! - подняла кружку с пивом Рейчел.

– Кстати, антрополог – хорошая идея. – Бо потянулась за бумагой и ручкой. –
Надо с кем-то поговорить о ней.

– Есть такая птица, которая умеет подражать чужим звукам, – сказал Соломон,
не прислушиваясь к их болтовне. – Видел недавно в научно-популярной
программе.

Он сосредоточенно пытался вспомнить, мозг его был затуманен недосыпом и
алкоголем.

– Попугай? – подсказала Рейчел.

Бо захихикала:

– Волнистый!

– Нет, эта птица подражает не только человеку, но и машинам, другим птицам –
воспроизводит любые звуки. В передаче показывали.

– Хм. – Бо потянулась за телефоном. – Птица, подражающая чужим звукам.

Минуту поискала, и вдруг ее телефон громко запел, сидевшие за соседними
столиками оглянулись, и Бо, поспешно извинившись, убавила громкость.

– Вот она.

Чуть не сталкиваясь головами над мобильником, они посмотрели двухминутный
клип Дэвида Аттенборо о птице, подражающей другим птицам, бензопиле,
звонку мобильного, щелчкам камеры.

– В точности как Лора! – Рейчел ткнула в экран пальцем, жирным от соленого
арахиса.

– Это птица-лира. Или лирохвост, – сказала Бо, примериваясь к новой мысли. –
«Лора-Лирохвост».

– «История Лирохвоста», – поправила Рейчел.

– Нет, – вмешался Соломон. – Просто «Лирохвост», и больше ничего не надо.

– Замечательно! – расплылась в улыбке Бо. – Берем! Поздравляю, Соломон, ты только что придумал название фильма.

Наступила полночь, и они, преисполнившись надежд, разошлись спать.

– Я думала, ты устал, – улыбнулась Бо, когда Соломон ткнулся носом ей в шею, пока она пыталась открыть дверь номера карточкой. Несколько раз промахнулась, что-то с координацией. – Вампир, оживаешь ночью, – поддразнила она.

Он начал тихонько покусывать ее шею, но почему-то это напомнило ему про летучих мышей, про их дом, а соответственно и про Лору, устроившуюся в соседней комнате. Смутившись, Соломон отпустил Бо, а та, к счастью, ничего не заподозрила, поскольку в этот момент карточка наконец вошла правильно и дверь отворилась.

– Спит ли она? – шепнула Бо.

Соломон прижал Бо к себе, стал целовать, но тоже не мог отвлечься от мыслей о Лоре.

– Погоди, – шепнула Бо. – Дай послушаю.

Она выскользнула у него из-под руки и подошла к двери в комнату Лоры. Прижала ухо к двери. Пока она вслушивалась, Соломон начал ее раздевать.

– Сол! – усмехнулась она. – Я же провожу исследование.

Сидя на корточках, он стащил с нее трусы и перебросил через плечо. Начал целовать, продвигаясь от лодыжки все выше по ноге, и вот уже его язык коснулся внутренней стороны бедра.

– А, ладно! – Бо махнула рукой на исследование и повернулась спиной к двери.

В постели Бо расслабилась, тихонько постанывала.

Соломон все крепче прижимал ее к себе, и, когда их губы слились в поцелуе, этот легкий стон наслаждения послышался снова. Тот самый, но стонала не Бо. Звук доносился из-за двери. Любовники застыли. Бо уставилась на Соломона.

- Боже мой!

Соломон тоже оглянулся на соседнюю дверь. Ее освещала только лампа ванной. С их стороны дверь оставалась закрытой, но, очевидно, Лора отомкнула внутреннюю дверь и подслушивала.

- Боже мой! - повторила Бо, отрываясь от Соломона и укутываясь простыней.

- Видеть тебя она никак не может, - напомнил Соломон.

- Ш-ш!

Соломону стало не по себе, словно его застигли за дурным делом. Пусть Лора их не видит, она все слышала.

- Слушай, Соломон, она же ненормальная!

- Нормальная она.

- Да черт побери, Сол! - прошипела Бо, не на шутку рассердившись.

Они продолжали прислушиваться, но больше не уловили ни звука.

- Куда ты? - шепнула она.

Соломон решительно поднялся.

Он подошел к двери, соединявшей две спальни, прижался ухом к холодному дереву. Ему представлялось, как по ту сторону двери то же самое делает Лора.

Первая ночь вдали от привычного ей коттеджа. Наверное, зря они оставили ее одну на несколько часов. Все ли с ней в порядке?

- Ну? - спросила Бо, когда он вернулся в постель.

- Тихо.

- А вдруг она все-таки сумасшедшая, Сол? - шепнула Бо.

- Она не сумасшедшая.

- Психованная маньячка-убийца. А?

- Ничего подобного.

- Откуда тебе знать?

- Допустим, неоткуда. Но это ты притащила ее сюда.

- Спасибо, утешил.

Он вздохнул:

- Давай хотя бы закончим?

- Нет уж. Меня это выморозило.

Соломон вздохнул, повернулся на спину, подсунув руки под голову, и уставился в потолок. Бо приткнулась вплотную, закинула на него ногу, он даже сам себе помочь не сможет, когда она уснет. Лежи тут без сна и радости.

Он откинул одеяло, подвинулся в сторону от Бо.

- Если пойдешь драть в туалет, не шуми, а то Лирохвост изобразит все твои вздохи под камеру, - сквозь сон предупредила его Бо.

Он фыркнул и снова забрался в постель. Настроение в корень загублено.

Так он и уснул, прислушиваясь к Лоре, которая прислушивалась к нему.

Глава девятая

Утром Сол проснулся в пустой постели. Дверь в соседнюю комнату была чуть приоткрыта. Он сел и постарался сообразить, что к чему. Услышал голос Бо – мягкий, но инструктирующий.

– Джо согласился впустить нас сегодня в коттедж, мы сможем снять вас там. Как вы проводите день, что делаете, чем занимаетесь и так далее. Я задам несколько вопросов – каким вам видится будущее, как вы распорядитесь своей жизнью. Так что подумайте пока над этим.

Молчание.

– Или у вас уже есть ответы?

Молчание.

Соломон вылез из постели и голым прошел через комнату к двери. Заглянул в щелку и увидел обеих: Лора сидела на кровати, Бо он видел только сзади, с затылка.

– Ладно, ладно, пока можете не отвечать. Но в целом наш план понятен?

– Я поняла.

– Мы будем снимать здесь сегодня и завтра, прервемся на выходные и в понедельник вернемся. Вас устраивает?

– В выходные я буду у Сола.

- Да.

Снова неловкое молчание.

- Лора, прошлой ночью...

Молчание.

Сол зажмурился, на расстоянии пытаюсь внушить Бо: оставь это! Впервые за десять лет Лора спала в незнакомой постели, в незнакомой комнате. Все непривычно. И эти звуки тоже были для нее чем-то новым, она повторила их, чтобы понять, она всегда так поступает, ничего особенного, пусть только Бо не лезет.

- Прошлой ночью я слышала, как вы издали такой звук. Когда я была в постели.

Лора повторила этот звук, точную копию сладострастных стонов Бо, словно записала их на магнитофон и теперь проигрывала вслух.

Соломон прикусил губу, чтобы не расхохотаться.

- Да. Это, - обиженно подтвердила Бо.

- Хотите, чтобы я так сделала в фильме?

Соломон снова заглянул в щель, присматриваясь к Лоре. Он заметил, как изменился ее тон. Сделался шутливым. Она дразнит Бо. А Бо этого не уловила.

- Нет! - засмеялась она нервно. - Понимаете, то, что вы слышали, - это личное, только между мной и... - Она смолкла, не желая произносить его имя.

- Солом, - закончила вместо нее Лора в точности с ее интонациями. Голос Бо - но выходил он из гортани Лоры.

- Господи! Ну да!

– Соломон ваш бойфренд?

– Да!

Соломон сглотнул, чувствуя, как вновь участилось сердцебиение.

– Все хорошо?

– Кому хорошо?

– Вам. Вас все устраивает? – в растерянности переспросила Бо.

Лора откашлялась – опять-таки не своим кашлем, это было смущенное покашливание Соломона – и воровато оглянулась на дверь. Он сообразил: она знает, что он подслушивает. Улыбнулся и пошел в душ.

В четверг они снимали коттедж. Убедившись, что Лора склонна замирать и испуганно таращиться в камеру, Бо предложила снять, как девушка варит овощной суп. По крайней мере, это занятие успокоительно. Поначалу ее напрягало присутствие съемочной группы, она чувствовала на себе их взгляды и луч камеры, но постепенно растворилась в своей работе и явно расслабилась. Они старались держаться чуть в стороне, не мешать, хотя понятно, сколь неестественно выглядят в глуши леса трое со съемочным оборудованием. И по мере того как продвигалось приготовление супа, Лора все реже воспроизводила их шумы.

Она показала свой садик и огород, прошлась по лесу в поиске нужных трав, у ручья и в тени всегда в изобилии дикий чеснок, она срывала крупные листья и расцветшие бутоны.

Говорила она мало, порой и вовсе умолкала. Бо сначала просила рассказывать, что именно она собирает, срывает, но потом перестала, решив, что этот документальный фильм будет сделан так же, как хроника близнецов Тулин, – звук они наложат позднее, будут задавать конкретные вопросы и получать ответы. Рассказывала девушка плохо, зато великолепно подражала голосам птиц, которые, похоже, признавали ее за свою, по крайней мере издали, и

откликнулись на зов.

Бо так и распирает, это видно. Да и все они в тихом восторге. Стараются изо всех сил не шуметь, видя, как Лора нуждается в тишине. Даже в перерывах почти не разговаривают, только по необходимости. Достаточно жеста, полуслова. Наверное, это самый тихий день в жизни Соломона, и не потому, что сам он вынужден молчать, он-то привык, но обычно приходится все время слушать других. И хотя снимают они на той же самой горе, где ферма Тулинов, картинка, звуки, ритмы – все отчетливо другое. Это будет совсем другой фильм. Лиричный, музыкальный, магический. Лора, идущая по лесу, светлые, почти белые волосы, ее безмятежность – все поражает, все словно не от сего мира. Соломон перебирает в памяти мгновения их первой встречи, когда посреди леса он увидел вдруг это похожее на фею, хрупкое, воздушное существо. Он мог целый день наблюдать за ней, глаз не сводя. Слушать ее день напролет. Собственно, это он и делает. И сейчас, когда на ворота ее футболки закреплен микрофон, он слышит даже ее дыхание, биение ее сердца. А посмотришь на нее глаза в глаза – не так уж она хрупка. Она сильная. Она твердо стоит на своем. Крепка духом.

Лора остановилась на краю леса, потянулась, распрямляя спину. Подняла голову к небу, глубоко вздохнула, потом, словно вспомнив про съемочную группу, обернулась и приподняла напоказ корзину.

– Что у вас там? – спросила Бо, обрадовавшись: значит, девушка готова к общению.

– Дикий чеснок, приправить суп. Еще он лечит кашель и боль в груди. Можно сварить суп из дикого чеснока, лука и картошки. Еще у меня тут грибы... –
Длинными пальцами она пробежалась по шляпкам.

– Откуда вы знаете, какие можно есть?

Лора засмеялась, смех ее был старше ее лица и глаз. Она издала звук блевоты – настолько реальный, что у Рейчел сработал рвотный рефлекс, хотя сама девушка вроде и не заметила, что она сделала, звук был для нее способом оживить воспоминание, как у других – визуальный образ.

– В первые годы методом проб и ошибок, – пояснила она, снова проводя рукой по собранным в корзину припасам. – Земляные каштаны – картошка фей – вкусные, если пожарить. Конская петрушка, вроде обычной. Гвоздика, почки утесника для чесночной горчицы. Это дикий родич бобовых, с горчицей получается вкусный маринад. Мне утесник нравится, потому что все его части идут в дело – корни, листья, цветки, семена. Из корней и делается уксус для вкусной горчицы.

– Отлично, спасибо, – радостно улыбнулась Бо.

Вернувшись в дом, Лора открыла шкафчик и показала им свои запасы маринованной, сушеной и консервированной пищи – заранее готовилась к зиме. Поскольку зимой мало что можно добыть свежего, она заботилась о том, чтобы рацион ее оставался разнообразным. И все же зимой она больше зависела от того, что покупал ей Том. Покупал – в прошедшем времени. Спohватившись, она смолкла на миг. Запасы она показывала с удовольствием, гордилась своими трудами, они придавали ей уверенности. Говорила она короткими фразами, не слишком много, но даже такой добровольный рассказ был знаком вернувшейся уверенности в себе. И по мере того как шел первый день съемок, уверенность ее укреплялась.

Суп сварился, Лора предложила им попробовать. Бо из вежливости съела ложечку, Соломон и Рейчел выхлебали по тарелке.

Близился вечер.

– Что вы обычно делаете в это время дня? – спросила Бо, стараясь ускорить темп.

– Обычно в это время я еще хожу по лесу. – Лора вежливо улыбнулась, понимая, как Бо тревожится из-за нехватки времени.

– Не надо из-за нас торопиться. Я хочу снять вас в точности как в обычной вашей жизни.

– В обычной жизни я не кормлю супом троих гостей, – улыбнулась она и добавила специально для Соломона: – Впервые за десять лет.

- Четверых, - поправила Рейчел. - Можно добавку - я сейчас ем за двоих?

Лора рассмеялась. Рейчел ей явно нравилась, Бо внушала опасения. А вот Соломон - человек надежный, это все знают.

Лора предложила заняться стиркой, но это Бо не заинтересовало. Не то чтобы она поморщилась, но ее реакция была вполне очевидной.

- А давайте снимем вас за чтением? - заторопилась Бо. - Книги ведь - важная часть вашей жизни, верно?

- Конечно. Я каждый день читаю.

- Это ваша связь с миром?

- Я бы сказала, единственная вещь, которая не связывает меня с миром, - уточнила Лора. - Развлечение, даже бегство.

- Да, - подхватила Бо, обдумывая не столько полученный ответ, сколько будущие кадры. - И где вы обычно читаете?

- В разных местах. Здесь. Или на свежем воздухе.

- Выйдем, покажете нам, куда вы ходите с книгой.

- Зависит от сезона и от дня, от времени дня, от света, - перечисляла Лора. - Я брожу вокруг, пока не найду, что мне подходит.

- Так пошли, - с улыбкой позвала Бо, но украдкой от Лоры глянула на часы. Не то чтобы ей не было интересно - еще как интересно, Бо впитывала в себя информацию ненасытно, - вот только время всегда было ее врагом. Слишком много дел, и слишком мало времени. Делая все как можно быстрее, ничего не упуская, но, разумеется, постоянно спеша, она, как ее неустанно предупреждал Соломон, как раз и упускает что-то важное.

Соломон подвел Лору к битком набитой книжной полке. И на полу тоже высокими стопками - книги.

– Какая любимая? – спросил Соломон.

Она вытащила эротический роман «Меж двух огней» и сунула ему, издав тот самый звук, который слышала накануне ночью, – постанывание Бо в миг экстаза. Очень тихо, так, чтобы не услышала Бо. Сол рассмеялся, укоризненно покачал головой.

– Ты влюблен в нее? – спросила Лора.

Вопрос так его ошеломил, что он не нашелся с ответом. Ему следовало бы знать ответ, но он даже не мог задаться этим вопросом.

Лора смущенно откашлялась голосом Соломона.

– Странно, что Бриджет принесла тебе такую книгу, – поспешил он сменить тему.

– Я с Бриджет не знакома, но меня это тоже удивило, – усмехнулась она. – Полная коробка попала на церковной распродаже. Девственница Бетти и проказник Натан, мойщик окон. Где они только не развлекаются!

Они засмеялись в унисон.

– Нет, любимая – вот. Я ее раз пятьдесят перечитывала. – Она протянула ему книгу с картинками.

– Тут нет слов. – Он быстро пролистал страницы.

– Словам придают слишком много значения.

– О чем книга?

– О том, как дерево превратилось в женщину.

– Бо все-таки права, – насмешливо произнес Соломон, присматриваясь к картинкам. – Это и есть твоя связь с миром.

Девушка засмеялась.

Он глянул на обложку.

– Корни. Так о чем она?

– В парке росло дерево. В городском парке, посреди деловых улиц. Ему много сотен лет, оно каждый день наблюдало за людьми. Как дети играют с мячом, мамы прогуливаются с колясками, кто-то бегают трусцой, парочки ссорятся. Время идет, и чем больше эта девушка-дерево впитывает в себя жизнь вокруг, тем более очеловечивается. Кора становится кожей, ветки – руками. Убывает рост. И вот она уже не дерево, а прекрасная юная девушка. Она выдернула ноги из земли и вышла из парка.

– Любопытно. – Соломон еще раз пролистал книгу.

– Возьми почитать, – предложила она.

– Она так голой из парка и вышла? – спросил он. – В книге с картинками как обойтись без наготы...

– На вкладке! – улыбнулась она.

Соломон, тоже улыбаясь во весь рот, с любопытством присматривался к Лоре.

Она смотрела на него снизу вверх, и его жадный взгляд, похоже, ее мало смущал. А поскольку ее это не смущало, он позволил себе полюбоваться еще.

Потом сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

– Спасибо за книгу. Я верну ее в том же виде. У меня тоже есть книга для тебя. – Он вытащил из сумки книгу в бумажном переплете. – Бриджет доставила ее в четверг – конечно же для тебя.

Надо отдать должное Бо: как только Бриджет упомянула про книги, которые покупала по просьбе Тома, Бо почуяла тут какую-то тайну. Знать бы, что еще она

способна угадать.

Лора приняла из его рук книгу, ее настроение мгновенно изменилось: последняя книга, полученная от отца, пусть даже он не сам ее выбрал, пусть не успел ей привезти, а может быть, не успел даже взять эту книгу в руки, узнать, о чем она. Но он попросил, чтобы Лоре купили книгу. И она прижала к себе эту книгу, словно подарок.

– Пошли! – позвал ее Соломон. – А где ты одежду стираешь? – уточнил он, подхватывая свое оборудование, думая, что им предстоит снова работать на улице.

– В прачечной-автомате на верху горы, возле кафе, – пресерьезно ответила Лора. – Но об этом Бо и слышать не захотела.

Закинув голову, Соломон от души расхохотался.

Лора прислушалась к радостному смеху, стараясь его запомнить, повторяя мысленно снова и снова.

Глава десятая

Ночью поражала тьма, окутывавшая дом Лоры. Как одиноко, отчужденно от всего мира! Днем это место казалось уединенным, но мирным, однако ночью становилось грозным, чуть ли не жестоким, словно девушку бросили одну в опасности. Никого у нее нет. Никого. Разве что Ринг, уцелевший овчар, заглянет, отлучившись от хозяина, погоревать вместе о Томе и Мосси. Единственная теперь ее компания – он да птицы и другие лесные существа. Лора научилась чувствовать их присутствие, предупреждала Рейчел, чтобы та, оступившись, не наткнулась на дохлого барсука, показывала ей упавшее с ветки птичье гнездо. Ее чувства были так гармонично настроены на окружающий мир, что Соломону казалось, Лирохвост – как прозвала ее Бо – почти растворялась здесь, не осознавала своего присутствия в лесу, впитывала звуки, суть, жизнь всего вокруг, словно читая любимую книгу. Если дерево, вобрав в себя человеческую жизнь, превратилось в девушку, то эта девушка впитывала в себя природу и

становилась – или пыталась стать – ее частью.

– Нужно продолжение, – сказал Соломон, подразумевая книгу с картинками. Они с Лорой стояли у окна дома, и Соломон с трудом подавлял желание оборачиваться на каждый звук, ему казалось, девушку надо охранять, хотя это глупо, Лора с легкостью распознает приметы опасности, нет причины вздрагивать тревожно. Неизвестно, кто еще кого тут защищает. Рейчел и Бо присели на диванчике у камина, просматривая отснятый за день материал. – Хотелось бы мне знать, как эта женщина, бывшая прежде деревом, отправилась босиком в мир. Может, она сделала карьеру в мире бизнеса и полностью избавилась от человеческих чувств? Стала роботом? Или влюбилась, вышла замуж, народила пятерых ребят? Или... – Он умолк и рассмеялся.

– Или что?

– Не важно.

– Расскажи.

– Или, едва выйдя из парка, попала под машину, потому что из парка не видела улицу и не знала, что там делается.

Он улыбался, но Лора призадумалась.

– Ей просто надо найти человека, которому можно доверять, и все будет хорошо.

– Доверять, – повторил он. Слово казалось абстрактным. – Как девушка-дерево научилась доверию – в парке?

– Нет! – рассмеялась Лора. – А впрочем... может быть. В парке она узнала людей. Прочти книгу, непременно. Да и необязательно учиться доверию в парке. Доверие растет изнутри.

– А! Что-то инстинктивное?

– Да.

- Не рассказывай мне заранее конец.

- Этого в книге нет.

Он уставился на нее, уже не страшась, что девушка увидит и поймет его взгляд. Ее глаза блестели даже в темноте, губы такие мягкие, сочные, больше всего на свете ему хотелось целовать эти губы. Сила собственного желания напугала его, никогда с ним прежде такого не было. Он отвернулся, прокашлялся.

- Останешься здесь сегодня на ночь?

- А ты?

- Нет, - тихо ответил он. - Не могу, Лора.

- Ох, это я понимаю. - Она заспешила, выражения ее глаз в темноте он не мог прочитать. - В смысле все вы. Добро пожаловать.

- Все мы тут? - переспросил он, оглядывая коттедж.

- Да, ты прав, лучше вернуться в гостиницу, - сказала она. - Я не хочу оставаться тут одна.

«Больше не хочу», - прибавила она про себя.

На следующее утро они наведались в домик бабушки Лоры, где выросла она сама и ее мать. В стороне от главной дороги, в двадцати минутах езды от городка этот маленький дом словно прятался от любопытных глаз. Как это часто бывает в сельской местности, съезд к дому замечал только тот, кто его специально искал. А если бы кто-то случайно наткнулся на это жилье, оно показалось бы неприветливым, и не догадаться, сколько любви и тепла хранили не так давно его стены. После смерти Хетти прошло девять лет, в доме никто не жил, и это сказывалось. Но Лора и после десятилетнего отсутствия водила их по дому так, словно покинула его лишь вчера. Бо старалась расспрашивать ее как можно деликатнее, понимая, как непроста для девушки эта минута.

Машину Бо оставила на главной улице: ей хотелось уловить реакцию Лоры, когда та впервые за десять лет подойдет к родному дому. Подъездной путь к дому преграждали запертые ворота, которые, по словам Лоры, бабушка установила после смерти деда – ради большей безопасности.

– Не знаете, написала ли ваша мама или бабушка завещание? – спросила Бо, пока они шли к дому по длинной дорожке под высокими деревьями.

Лора покачала головой:

– Как я могла это узнать?

– Обратиться к нотариусу или к поверенному вашей бабушки.

– У Гаги душа в доме не было, какой уж там поверенный.

Рейчел и Соломон отвернулись, скрывая смех.

– Ну, если не поверенный, то назначается кто-то для распоряжения собственностью. Обычно ближайший родственник. Я потому это говорю, что вы, скорее всего, имеете права на эту землю и дом. А если в банке остались деньги или были какие-то инвестиции, переходящая по наследству пенсия – все тоже ваше. Я готова помочь вам разобраться с этим, если хотите.

– Спасибо. – Долгое молчание. Наклонившись, девушка сорвала фрезию, повертела в пальцах.

Рейчел сдвинулась вбок, спеша уловить отчетливую тень Лоры, силуэт, обрисованный солнечными лучами. Эти резкие лучи то смягчались, то снова резко вспыхивали за деревьями с каждым их шагом, словно огни маяка.

Лора снова зашагала, на этот раз быстрее.

– У Гаги больше никого не было. Она была единственным ребенком. Ее родители давным-давно умерли. Она родилась в Лидсе, с четырнадцати лет работала на фабрике, шила. Переехала в Ирландию, собиралась нянчить детей в семье тут поблизости, но вышло недолго – в то же лето познакомилась с дедом... – Тут дом

полностью оказался у нее перед глазами, и Лора замерла, задохнулась.

Соломон шагнул вперед, чтобы ей помочь.

Тишина.

Рейчел сместилась у нее за спиной, камеру держала низко, снимала дом – глазами Лоры.

Соломон хотел бы увидеть ее лицо в эту минуту, но обязан был стоять позади камеры. Он присматривался к Лоре, вбирая каждую деталь. Как приподнялись и замерли ее плечи, оцепенев. Пальцы ее перестали судорожно вертеть фрезию. Цветок упал на землю, около кед. В наушниках Соломона отдавалось быстрое дыхание Лоры – учащенное и неглубокое.

Он отвел глаза от Лоры, охватил взглядом все кругом. Трава вымахала настолько высокой, что почти закрывала окна. Домик вовсе не сказочный – бурый кирпич, плоская крыша, два окна по обе стороны от двери. Никакого очарования, и только для Лоры – сундук с сокровищами воспоминаний.

Он ожидал от нее примерно таких же предсказуемых слов, какие вырвались у Бо, когда та подняла обеими руками первый полученный кубок: «Ой, тяжеленький!» – сколько он дразнил ее потом, когда она вернулась с этим хрустальным дивом. Потом Бо уже такого не говорила, стала более красноречивой, привычной, ушла спонтанность. Он ждал от Лоры кроткого удивления: «Дом стал совсем маленьким, не таким он мне запомнился» – что обычно говорят взрослые, когда возвращаются в места своего детства, но вместо этого Лора произнесла совсем другие слова.

– Даже если завещание и было, в чем я сомневаюсь, – голос ее был тверд, – и если дом оставлен мне, он давно перешел государству, потому что я нигде не значусь. Все, кто знал о моем существовании, умерли.

Она прибавила шаг, словно желая отделаться от спутников, и сквозь высокую траву устремилась к дому. Рейчел тревожно оглянулась на Соломона.

– Она говорит, что никто не знает о ее существовании? – тихо переспросила Рейчел, на миг прервав съемку.

Бо кивнула, ничуть не удивляясь, только зрачки расширились от возбуждения:

– Я порасспрашивала в городе, и ни один человек не слышал, чтобы у Изабел Мерфи, или Баттон, как она предпочитала себя называть, был ребенок. Этот вопрос у всех вызывал только смех.

Рейчел нахмурилась:

– Так она лжет о себе?

Соломон сердито глянул на Рейчел, задетый таким суждением о девушке, но тут же напомнил себе, что Рейчел никогда не теряет благоразумия, а такое сомнение вполне естественно. Он запаниковал: неужто молодая женщина, к которой он успел сильно привязаться (по крайней мере, для него это было так), все о себе сочинила? Его словно в воронку засосало, и, когда все вокруг закружилось, отлетая, Бо пришла на помощь, Бо удержала его на поверхности и произнесла слова, за которые он вечно будет ей благодарен.

– Я выслушала все, что люди говорят об этой семье, самые безумные сплетни, какие только есть, и не то чтобы я не верила этим людям, но в первую очередь я верю каждому слову Лоры, – отчеканила Бо и заспешила к дому, нагоняя девушку.

Лора потянула на себя ручку, но дверь оказалась заперта. Потом она заглянула в окна, в каждое окно, прижимаясь лицом к грязному стеклу, заслоняясь ладонями от солнечных бликов. Стекло было так замурзано, ничего толком не разглядишь. Она обошла дом сзади.

– Где ваша комната? – вынырнула рядом с ней Бо.

– Там.

Внутри виднелась железная кровать без матраса, со шкафа кто-то снял дверцы. Комната практически пуста, никаких следов прежней жизни. Соломон пытался

вчитаться в лицо Лоры, хотел зайти сбоку и посмотреть, но Рейчел сердито приподняла брови – он заслонял ей свет, мешал снимать, не туда пошел, бестолковый.

Наконец Соломон поставил оборудование. Развязал свитер, примотанный рукавами к поясу, обернул им руку до локтя.

Выбил стекло. Бо, Рейчел и Лора дружно обернулись к нему, чуть испуганные.

– Открыто, – сказал он.

Лора улыбнулась благодарно.

– Расскажите, как вы тут жили. В любой последовательности расскажите, – попросила Бо, когда они, пройдясь по захваченному крысами домику, устроились во дворе. Бо отыскала чудесное местечко в высокой траве, так чтобы дом и лес позади оказались у них за спиной.

Был теплый летний день, душный, словно надвигалась гроза, по небу проносились стремительные тучи, спеша так, словно им было известно нечто, сокрытое от тех, кто оставался на месте. Замечательные кадры. Лора сидела на стуле, Бо перед ней, но так, чтобы не попадать в кадр. Как обычно, она попросила собеседницу повторять в ответе часть вопроса для ясности и чтобы в фильме это звучало как единый рассказ. И они начали.

– Ничего не изменилось, – сказала Лора, прикрывая глаза и глубоко вдыхая. – Все кажется таким же, как было. Во всяком случае, когда закрываю глаза.

– Что вы почувствовали, увидев дом таким?

Лора оглянулась на дом, словно не вполне узнавая.

– Много не так, как помнится. Безупречно чистым он не был никогда. Бабушка и мама любили свой дом, но им важнее был не порядок, а все эти мелочи повсюду – стеклянные банки со всевозможными пуговицами, нитками, травами, камушками. Тары-бары-отвары-товары. – Она улыбнулась, словно припомнив

семейную шутку. – Так Гага про нас говорила. Мол, заполняем дом болтовней, отварами и товарами на продажу.

– Ваши мама и бабушка – можно я тоже буду называть ее Гагой? – шили и перелицовывали наряды. Я поговорила с местными жителями, они подтвердили, что их работа пользовалась спросом, можно сказать, успешное предприятие.

Накануне вечером и в этот день с утра Бо отлучалась из гостиницы и занималась «исследованием». На долю Соломона выпало развлекать Лору, они играли в карты до полуночи, пока не вернулась Бо – от нее разлило пивом, одежда провоняла сигаретным дымом. Соломон не был рад ее возвращению. Он бы еще посидел с Лорой, прислушиваясь к ее звукам, как она подражает шороху карт, журчанию тающего в его стакане льда. Словно музыка. С ней было так легко, никакой спешки, никакой срочности и тем более паники. Время словно исчезало. У Лоры не было ни часов на запястье, ни мобильного. Она просто была тут, присутствовала в настоящем моменте, мягкие очертания губ, щекочущее прикосновение кончиков длинных волос к его руке, если она тянулась за картами. Каждая мелочь казалась важна. И никогда он не чувствовал разом такое сердечное удовлетворение – и сердечную дрожь. Лишь в ее отсутствие пробуждались вина, конфликт, сопоставление с Бо, немой и тайный ужас, от которого он холодел.

– У них было успешное предприятие, – подхватила Лора. – Достаточно постоянных клиентов, кому они шили наряды для первого причастия, для праздников и для свадеб. А семьи тут большие, так что всегда что-нибудь такое происходило. Мне больше всего нравились примерки. Ткань закалывали прямо на мне – лучше, чем на манекене, потому что на манекене не проверишь, как платье реагирует на движение. Мне так нравилось вертеться перед ними в нарядных платьях и воображать, будто это будет моя свадьба или мой день рождения, я их этим до ручки доводила. – Она улыбнулась своим воспоминаниям. – А когда платья перестали шить, остались только ремонт и переделки, потом мама немножко помогала по хозяйству одиноким старикам, покупала им продукты, стирала и гладила все, что требовалось. Тут многие живут на отшибе, а дети уехали в город, кто учиться, кто работать. Почти никогда не возвращаются. Так у Гаги и мамы работа и кончилась.

– Заказчицы приходили в дом?

- Нет, в студию, вон туда, - она указала на гараж. - Там они принимали клиентов. В дом никого не пускали.

- Почему?

- Потому что охраняли свою личную жизнь. Не хотели, чтобы дом превратился в мастерскую.

- Боялись, что кто-то увидит вас?

- Да.

- Как вы думаете почему?

- Потому что это их личное дело.

- Не могли бы вы повторять в ответе во...

- Они не позволяли никому меня видеть, потому что это их личная жизнь! - резко повторила Лора. Слишком резко, это нельзя будет использовать в фильме. Слишком агрессивно, смахивает на самооборону.

Бо дала девушке время успокоиться, прикинувшись, будто проверяет с Соломоном звук.

- Все идеально, - подмигнул он Лоре, как только Бо снова повернулась к ним.

Рейчел внимательно присмотрелась к ним обоим.

- У меня два вопроса. Один я задам сразу, второй оставлю на потом. Как вы это понимали в детстве? Такую заботу о личной жизни?

Лора призадумалась.

- Я видела, как им хорошо вместе. Они все время разговаривали, смеялись. Они вместе работали, вместе жили, могли допоздна пить и болтать, далеко за

полночь. Всегда находили чем заняться: какая-то работа, либо платье, либо сложный рецепт. Им нравилось планировать, обсуждать все детали, они умели видеть картину в целом, были терпеливы, заглядывали далеко вперед, одновременно брались за много дел, то есть у них всегда что-то происходило, всегда завершался какой-то проект или эксперимент, и они это воспринимали как маленький праздник. Настаивали месяцами водку на березовых листьях, бутылки рядами в кладовке, – она тихо засмеялась, – а потом пили ночь напролет и танцевали, пели и рассказывали всякие истории.

Это показалось Соломону похоже на его семью. Очень.

– Им никто больше не был нужен, – тихо продолжала она. Казалось, она не чувствовала себя этим задетой, скорее восхищалась. – Мне кажется, это что-то вроде идеальной любви. Когда лучше всего вдвоем.

А это уже похоже на близнецов Тулин. Быть может, у Изабел и Тома было все-таки что-то общее.

– А вы тоже сидели с ними по ночам? Участвовали в этих вечеринках? – спросила Бо. Глаза у нее разгорелись: Лора нарисовала восхитительную картину.

– Иногда я засиживалась с ними допоздна. И даже когда меня отправляли спать, я прислушивалась. Дом-то маленький, сами видите, а они малость шумели. – И она рассмеялась, чудесный музыкальный смех. Потом вдруг прикусила губу и оглянулась на Соломона.

Он поднял на нее глаза – большие и красивые синие с блеском глаза, прядь волос выбилась из тугого узла и упала ему на глаза, на длинные черные ресницы. И сразу же Соломон уткнулся в свое оборудование, чуть повернул какую-то ручку и назад точно в то же положение.

– Перескажите нам, какие истории они рассказывали, – попросила Бо.

– Нет, – мягко отказала Лора, – это их личное.

– Но их сейчас тут нет, – с заговорщическим видом шепнула Бо.

- Они здесь. - Лора снова прикрыла глаза и глубоко вдохнула.

Соломон улыбнулся, глянул на Рейчел и встретился с ее взглядом - лучистым, увлажненным слезами. Бо позволила девушке минуту передохнуть и снова принялась:

- Они учили вас на дому. Расскажите, как это было?

- Гага тоже в основном училась дома. Ее отец считал, что девочкам школа ни к чему, не пускал ее. Ее мама тайком учила ее дома. А она так же занималась со мной.

- Вам жаль, что вы не получили преимуществ школьного образования?

- Нисколько! - рассмеялась она. - Думаю, большинство детей порадовалось бы преимуществам домашнего образования. Помню, как бабушка гонялась за лягушкой вокруг ручья. Она сказала, у мамы в классе лягушек резали и показывали школьникам, как они устроены, мертвые. Она решила поймать лягушку и показать ее мне живьем.

Она снова прикусила губу, и Соломон, еле переводя дух, уставился на ее губу.

- Так смешно она бегала за лягушкой. Можно ли лучше провести день? Анатомию лягушки я до сих пор помню назубок.

Бо засмеялась вместе с ней. Потом спросила:

- Вы уже тогда понимали, что вы и есть главный секрет? Что про вас никто не знает?

- Да, я понимала, всегда понимала, что я - секрет. Они не доверяли людям. Были очень осторожны. Все время повторяли: надо держаться друг за дружку - и будем в безопасности.

- От чего они хотели вас уберечь, как вы думаете?

- От людей.

– Люди причинили им зло?

Пауза. Лора подбирает слова.

– Гага и мама были особенные, непохожие на других. Когда приходили заказчицы, я слышала их голоса, иногда наблюдала за ними в окно, но почти не узнавала их – с клиентками они не смеялись, даже движения становились механическими, только по делу. Вся магия пропадала. Они не были веселыми и забавными, как дома, когда пели и смеялись. Становились серьезными. Даже угрюмыми. Настороже. И это не потому, что клиентки – бизнес, а потому, что они настораживались. Опасались людей.

– Ваша мама рано бросила школу. В четырнадцать. Почему?

Соломон глянул на Бо и убедился, что ей что-то известно. По ней это было видно. Вся напряглась, хотя и старалась сделать вид, будто вопрос случайный. Но он знал, как она выглядит, зажав в зубах добычу. Бо не поделилась с Соломоном ничем из того, что узнала от местных: она вернулась поздно, он был усталый и огорчился оттого, что прервались их посиделки с Лорой, после этого он хотел только спать, а Бо, взвинченная, все что-то делала, крутилась по номеру, шумела, он рассердился. Уже тогда по ее поведению можно было бы сообразить: она что-то нарыла для фильма. А он и внимания не обратил. Теперь ему и любопытно, и в то же время он настороже – ему не хочется, чтобы она продолжала копать, он бы рад защитить от нее Лору, перешел, можно сказать, на другую сторону. Это настолько странно, что голова идет кругом.

Лора замерла.

– Умер дед. Бабушке понадобилась помощь мамы. Дед работал на ферме. Без него стало не хватать денег. Мама ушла из школы, дальше бабушка учила ее сама. Они занялись пошивом и переделкой платьев. И еще лекарства. Отвары из трав, которые они продавали на ярмарках. Мама говорила, дети в школе дразнились: «Ведьмы!»

– Это ее обижало?

– Нет. Гага и мама смеялись над этим. Хихикали, когда варили свои зелья. Отвары-тары-бары. – Она улыбнулась, вспоминая.

– Дети бывают жестоки, – ласково кивнула Бо. – А что еще дети говорили вашей маме?

«Ты имеешь право промолчать», – готов был подсказать Сол Лоре. Рейчел устала на свои ботинки, то и дело проверяла монитор – верный признак того, что и ей не по себе.

– Мама была не такой, как большинство людей, – заговорила Лора, вдумчиво, медленно, осторожно подбирая слова. – Решения принимала Гага. Мама была рада предоставить все руководство бабушке, – дипломатично пояснила она. – Мама была не как все. Если уж вас так интересует, что говорили о ней другие дети, хорошо, я скажу: они называли ее отсталой. Мама мне говорила. Но она вовсе не была отсталой. Какое-то ленивое слово. Она думала не как все, училась иначе, не как другие, только и всего.

Поняв по мимике Лоры и ее позе, что девушка вот-вот замкнется, Бо сменила тему.

– Почему в итоге вы поселились у Тулинов?

– Мама заболела, тяжело заболела в 2005-м. К врачам мы не обращались никогда, Гага и мама не верили в их лекарства, предпочитали свои натуральные отвары и почти никогда не болели, но они поняли, что с мамой что-то серьезное и тут их средства не помогут. Они пошли к врачу, тот порекомендовал больницу. У нее был рак кишечника. От больницы она отказалась, сказала, что предпочитает уходить естественным путем, каким и пришла. Мы с Гагой ухаживали за ней.

– Сколько вам тогда было? – тихо уточнила Бо.

– Четырнадцать, когда она заболела, пятнадцать, когда умерла.

– Как жаль! – шепнула Бо и помолчала с минуту сочувственно.

Большая птица пролетела над головой, рядом жужжала муха. Лора повторила и тот и другой звук. Так она выражала свою печаль, пытаясь снова собраться.

– Значит, вы остались вдвоем с бабушкой. Расскажите про тот год.

– Бабушке стало трудно, некому помочь с ремонтом и перешивкой. Я старалась как могла, но она меня еще не всему обучила, я мало что умела. А у нее начались проблемы с руками, артрит, пальцы скрючивались, и она не могла шить, не могла так легко и быстро, как прежде. Да и заказчиц становилось все меньше. Прежде мама кое-что подрабатывала, помогая старикам, а мне и этого было нельзя.

– Даже в пятнадцать вас не пускали к клиенткам? Вы продолжали прятаться?

– Как бы Гага объяснила, откуда я вдруг взялась? – пожала плечами Лора. – Невозможно. Она бы хотела, прикидывала, как это сделать, но только больше расстраивалась. Нервничала. Лгать она не хотела. Боялась, что собьется, запутается. Она к тому времени сделалась забывчивой. И думала, что в пятнадцать лет я еще не готова. Еще маленькая.

– Откуда у нее этот страх, Лора?

Снова тот же вопрос, но на этот раз он показался Соломону уместным. Он и сам хотел бы услышать ответ. Но Лора закрылась, и Бо не пыталась настаивать.

– Вы когда-нибудь спрашивали, кто ваш отец?

Соломон снова присмотрелся к девушке. Она опустила глаза, отсвечивавшие зеленью, словно отблеском высокой травы, среди которой она сидела. Провести бы пальцем по ее щеке, подбородку, по ее губам. Он отвернулся.

– Нет. – И, словно припомнив инструкции Бо, дала развернутый ответ. – Я никогда не спрашивала, кто мой отец, – негромко произнесла она. – Не спрашивала, потому что это было не важно. Кто бы он ни был, мне это было все равно. Все, кого я любила, были со мной.

Рейчел сжала губы, явно растроганная.

– А когда мама умерла?

– Когда мама умерла, я подумала, не следовало ли мне спросить, потому что это был единственный шанс узнать. Конечно, заведомо я не могла быть в этом уверена, но чувствовала, что Гага не скажет. Мама могла сказать, но предпочла не говорить, и я понимала, что бабушка соблюдет ее волю. Это может показаться вам странным, но я редко даже задумывалась, кем он мог быть. Это не имело значения. – Она приостановилась на миг. – Я стала больше думать о нем, когда увидела, как бабушка дряхлеет, когда испугалась, что останусь одна. Она ужасно быстро старела. Они с мамой были одной командой, ни в ком больше не нуждались, и это было прекрасно, но друг без друга они обойтись не могли. Поддерживали друг друга. Когда мама умерла, Гага тоже начала уходить. И она это понимала. Беспокоилась за меня. Попыталась что-то спланировать. По ночам не спала. Я знала, ее мысли только этим и заняты.

– Они ничего не успели спланировать до смерти вашей мамы?

– Я не спрашивала. – Девушка с трудом сглотнула. – Но мама не умела составлять планы. Планировала Гага, а мама помогала осуществить план. Думаю, то, как бабушка в итоге сделала, – это и был их план, мама это одобрила бы. Понимаю, со стороны это звучит так, словно мы толком не общались, но это неверно: мы жили не просто вместе, а словно друг за друга, нам не было надобности многое обсуждать, каждая знала, что думают и чувствуют две другие, ни к чему переспрашивать.

Она смущенно поглядела на Бо: понятно ли объясняет?

– Я все поняла, – сказала Бо совершенно искренне, хотя Соломон усомнился, так ли уж все. Бо и представить себе не может, как это – не задавать вопросов. – Когда же вы узнали, что Том – ваш отец?

– Когда Гага поделилась планом переселить меня в коттедж. Тогда она сказала, что Том Тулин – мой отец и что он ничего не знал. Она поговорила с ним, и он позволил мне жить на его земле. Еще она сказала, что у него есть брат-близнец, и тот не должен ничего знать. Это было единственное условие.

– Как вы это восприняли? – спросила Бо. По ее тону было слышно: она бы ни с чем подобным не смирилась.

– Я привыкла к секретам, – ответила девушка с улыбкой, но глаза выдавали грусть.

Бо решила оставить на время эту тему – Тома и жизнь на горе.

– Вы прожили тут шестнадцать лет, прежде чем переселились в коттедж. Вам когда-нибудь хотелось покинуть дом? Куда-то поехать?

– А мы и ездили, много раз, – приободрилась Лора. – Пока мама не заболела. Ездили отдыхать в Дингл. Я плавала в Клохерхеде, чуть не утонула! – и засмеялась. – И в Донегол мы ездили. Любили рыбачить. Ловили рыбу, потрошили, жарили. И рыбий жир вытапливали.

– Значит, вы не сидели всю жизнь взаперти? – изумилась Бо.

– Никто меня не запирали, – усмехнулась Лора, довольная, что сумела ее удивить. – Наоборот. Мне предоставили свободу. Я могла быть самой собой, никто не делал мне замечаний, не указывал. Не вижу, какие уж такие большие жертвы с моей стороны. Заказчицы всегда записывались заранее, просто так никому не открывали, так что я могла играть во дворе сколько угодно, если мы не ждали клиентов. А когда они приходили, я сидела у себя в комнате и делала уроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/sesiliya-ahern/ptica-lira>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)